

РАССКАЗЫ

БЕЗУМЕЦ

1

Игорь сидел за столиком недорогого кафе и, озираясь по сторонам, скучающим взглядом рассматривал немногочисленных посетителей. В заведении негромко играла ритмичная музыка. Между столиков суетливо бегали официанты, собирая пустую посуду и принося новые заказы. Сквозь жалюзи на окнах в помещение проникали лучи ласкового весеннего солнышка, наполняя души людей особенной радостью, свойственной лишь этой поре года. Один из солнечных бликов падал на кружку с чаем, стоявшую перед Игорем, отчего она переливалась красно-желтыми оттенками.

Игорь уже около получаса ждал бывшего одноклассника, который, находясь проездом в их родном городе, вчера вечером неожиданно позвонил и назначил встречу. В школьные годы Игорь с Юрием были довольно близкими друзьями, но после одиннадцатого класса, поступив в разные университеты, стали постепенно отдаляться друг от друга. У обоих появились свои компании, объединенные разными, слабо пересекающимися интересами. Игорь пошел учиться на маркетолога, намереваясь в будущем открыть собственное рекламное агентство, а Юрий увлекся журналистикой. После окончания института он проработал несколько лет в одной из местных газет, затем уехал в столицу. Ходили слухи, что там он устроился корреспондентом в одной из ведущих медиагрупп, но подробностей Игорь не знал, так как к тому времени, погруженный в создание собственного бизнеса, он окончательно потерял друга из вида. И вот теперь, спустя несколько лет разлуки, Игорь был искренне рад предстоящей встрече с другом детства. Отложив все текущие дела, он приехал к назначенному времени на место встречи. Но Юрий опаздывал, и это начинало раздражать Игоря.

Отвлечшись на двух симпатичных девушек, о чем-то увлеченно беседовавших за соседним столиком, Игорь не заметил вошедшего в кафе высокого парня, одетого в явно дорогой, но уже заметно потасканный спортивный костюм, с перекинутой через плечо пухлой сумкой. Небольшая бородка и слегка спутавшиеся волосы также придавали его внешности немного неряшливый, какой-то неухоженный вид.

— Ну че, привет, — подходя к столику, произнес Юрий.

— Юрка! — радостно воскликнул Игорь, пожимая протянутую руку. Он встал из-за стола, и приятели крепко обнялись, радостно хлопая друг друга по спине. — Сколько лет, писака ты мой!

— Много, рекламщик, много!

— Все знакомишь обывателя с нижним бельем публичных лиц? — поддел друга Игорь.

— А ты помогаешь криминалу обелять их капиталы? — парировал Юрий.

Артем Владимирович Аргунов родился в 1984 году в г. Луганске. Член Межрегионального союза писателей. Автор трех романов, двух прозаических сборников, трех поэтических аудиобомов. Публиковался в альманахах и сборниках. Живет в Луганске.

Они весело рассмеялись.

— Чай, кофе? — присаживаясь к столу, спросил Игорь.

— А что-нибудь покрепче тут есть? — поинтересовался Юрий, следуя его примеру.

— Да, но я за рулем, поэтому компанию не составлю.

— Я тоже на машине. Но может, хоть по кружечке пива за встречу? Я дам тебе мятную жвачку — убьешь запах.

— Нет, Юр, извини... У меня однажды уже был неприятный инцидент, и этого на всю жизнь хватило...

— Что за инцидент? — живо поинтересовался Юрий.

— Авария. Не будем об этом, — попросил Игорь.

— Хорошо, давай кофе, — вздохнув, согласился Юрий. — Надеюсь, бутерброды у них есть? А то я не завтракал — желудок арии поет!

Игорь подозвал официанта и сделал заказ.

— Какими судьбами в наши края? — поинтересовался он.

— Руководство припахало сделать объемный материал о ветеранах, — скривился Юрий. — Будто расскажут старенькие дедушки что-то новое, и это станут сегодня читать!.. Ну, а я вспомнил про нашего Кузьмича и решил хотя бы от командировки пользу извлечь: в родном городе побывать.

Игорю не понравилось то, как отозвался Юрий о данном ему поручении, но он предпочел смолчать, не желая портить встречу.

— Как там поживает Егор Кузьмич? Я хоть и не уезжал из города, но не видел старика уже года два... Не рановато, кстати, материал готовить? Ведь до Дня Победы еще больше месяца...

— Нормально. Пока соберу интервью, пока скомпоную, как раз накануне и выйдет. А Кузьмич — молодец, в свои девяносто четыре очень даже бодрячком держится. За прошедшие десять лет почти не изменился. Все такой же веселый и говорливый дед.

К соседнему столику, за которым сидели две девушки, присоединилось несколько парней, и у них завязалось еще более оживленное общение.

— Да, вот такие вот мы, распушенные, — рассмеялась одна из девушек, кокетливо поправив прядь белокурых волос, спадавшую ей на лицо. Блондинка медленно потянулась, грациозно выгнув спину и закинув обе руки за голову. Ткань ярко-красного платья, в которое была одета девушка, сильно натянулась на пышной груди, а глубокий разрез подола оголил левую ногу до полноватого бедра. Бросив страстный взгляд на стоявшего рядом парня, она игриво улыбнулась.

— Милая киска! Я бы с удовольствием провел с ней ночь, — мечтательно произнес Юрий, не отводя похотливого взгляда от соблазнительной девушки. — А вот чтобы жениться... вряд ли кто на нее позарится, — сглотив, добавил он. — В койке этой милашки небось уже полгорода перебывало.

— Не знаю, — спокойно ответил Игорь. — Возможно, наш Безумец и женился бы на ней.

— Что за Безумец? — заинтересовался Юрий.

— А вон, — Игорь указал взглядом на столик в углу кафе, за которым сидел мужчина лет тридцати пяти, одетый в потертые джинсы и легкий темно-синий свитер. Он увлеченно что-то записывал в блокнот.

— Тоже журналист? — небрежно осмотрев предполагаемого коллегу, спросил Юрий. — Или какой-нибудь поэт? — с ноткой презрения в голосе озвучил он вторую версию.

— Не думаю, — отхлебнув из кружки остывший чай, ответил Игорь. — Хотя блокнот всегда при нем. Но что он там записывает, я не знаю.

— А почему ты называешь его безумцем?

— Его все в городе так зовут. После прошлогодней истории прозвище прилипло.

— Что за история? Расскажи!

Юрий машинально достал из наплечной сумки портативный диктофон и включил запись.

— В конце прошлой зимы у нас горел детдом... Я проезжал мимо, смотрю: люди собралась, перегородили часть трассы. Одни глазают, с жаром обсуждая зрелище, другие суеются, пытаются что-то предпринять. Пара женщин в ведрах воду таскают, мужик какой-то из окна ближайшего дома пытается шланг протянуть. Все здание в дыму, из нескольких окон вырываются языки пламени. Крик, гам вокруг, чей-то плач. Детей в кучу согнали! Они, кто в чем, стоят, трясутся... Совсем малых много... Девочка, помню, в розовом платье, на вид лет пяти, все куклу к себе прижимала да смотрела вокруг такими испуганными глазенками. А у самой аж губы побелели от страха и холода... Я не выдержал — увел ее к себе в машину, включил печку. Она на меня с такой трогательной благодарностью посмотрела, что аж сердце екнуло!..

Игорь залпом допил остатки холодного чая и, помолчав немного, продолжил:

— Особо шумная часть толпы собралась возле угла здания. Все возбуждены до предела: кричат, руками машут да куда-то вверх смотрят. Я пошел к ним, стал расспрашивать. Выяснилось, что не успели вывести семилетнюю девочку. Она на четвертом этаже осталась, и все пути огнем отрезаны... Поднял голову, смотрю: перепуганная кроха стоит на подоконнике, а за ее спиной бушует пламя!.. Пожарную машину вызвали, но она задерживается... Кто-то из смельчаков вбежал в здание, однако вскоре вернулся — дальше второго этажа пройти не смог. Девчонке все кричат: «Прыгай! Прыгай!» Несколько мужиков стали под окнами, чтобы поймать ее, но она боится... Уцепилась дрожащими ручонками за раму, стоит на краю и взывает о помощи... Огонь уже совсем близко, едва не достает до нее... У одной из женщин истерика — ее увели... А эта кроха все стоит, иногда оглядываясь, и кричит нам: «Дяденьки, спасите! Я боюсь прыгать!» До сих пор перед глазами...

Игорь подозвал официанта и заказал чашку крепкого кофе.

— Ты будешь? — спросил он у Юрия.

— Давай, — сглотнув, хрипло ответил тот.

— После очередного призыва о помощи, — сделав пару небольших глотков, продолжил Игорь свой рассказ, — из толпы, расталкивая людей, выбрался он... На ходу сбросив с себя шапку, куртку, бросился к водосточной трубе... Девчонка была во втором окне. Между окнами — метра полтора, если не больше, и от крайнего окна до трубы — еще около метра. Тогда кто-то в толпе и назвал его безумцем... Думали, что и девчонку не спасет, и сам сорвется. Но останавливать никто не стал. А он, не обращая никакого внимания на оклики в толпе, ухватился обеими руками за трубу и, отталкиваясь ногами от фундамента, стал взбираться вверх. Пару раз, слегка поднявшись, срывался, но потом наловчился и пошел... Где-то в районе третьего этажа немного замешкался, видимо, руки сильно разодрал или мышцы свело, но вскоре продолжил взбираться. Все следили за ним с тревогой и надеждой. Даже девчонка, совсем высунувшаяся из окна, так как пламя начинало ее доставать, перестала звать на помощь и молча наблюдала. В какой-то момент мне стало страшно, что вот сейчас она сорвется, а стоявшие под окнами мужики, следящие за движениями безумца, не успеют сориентироваться. Я даже сделал несколько шагов вперед, не сводя с нее глаз, но, слава богу, все обошлось.

Добравшись наконец до четвертого этажа, парень, изогнувшись, ногами разбил стекло в крайнем окне и, напрягая все мышцы, ухватившись за раму, переместился на подоконник. Он что-то сказал девчонке, и та передвинулась в противоположный край своего окна. Девочка стояла уже на самом краю, и язычки пламени едва не каса-

лись ее ног. Из окна валил густой дым. Она часто кашляла. Безумец медлил. Вероятно, собирался с силами и что-то обдумывал. Но вот он резко оттолкнулся от рамы и, хватаясь руками за край стены, перескочил на соседний подоконник. Повернулся спиной к малышке, и та повисла на нем, крепко обхватив тоненькими ручонками за шею. Осторожно развернувшись лицом к стене, безумец, вцепившись руками в оконную раму и стену, медленно перенес правую ногу на соседний подоконник. Ухватившись правой рукой за стену на углу крайнего окна, он стал медленно перемещать все тело. Я с трудом представляю, каких усилий это ему стоило и о чем он думал в эти мгновения. Да и думал ли вообще?.. Мне сложно судить — я никогда не бывал в подобных ситуациях. Стоящие внизу люди продолжали следить за ними, не отрывая глаз. Пламя уже пожирало подоконник, раму... Все вокруг молчали. А пожарных до сих пор не было...

Безумец на полушпагате завис между окнами, крепко уцепившись обеими руками за края рам. Девочка всем телом прижалась к его спине. Толпу парализовало.казалось, время — и то замерло...

Но вот безумец стал медленно, очень осторожно перемещаться к крайнему окну. Это все происходило как в замедленной киносъемке. Едва заметные движения ног, легкие колебания сросшихся тел и языки пламени, все сильнее вырывающиеся из окна. Вдруг он сделал резкое движение вправо. Выпрямился. Его шатнуло назад. Одна нога соскочила с подоконника. Толпа вскрикнула...

Юрий судорожно сглотнул и нервно застучал пальцами по столу.

— Удержав равновесие, безумец на минуту застыл, стоя на подоконнике крайнего окна. Видимо, переводил дух. Ему чудом удалось не сорваться... Снизу кричали, советуя парню дождаться пожарных на окне, за которое безумец с девочкой уцепились: там пока еще было безопасно. Пламя виднелось лишь где-то в глубине комнаты. Из нее дым только начинал подниматься. Но безумец или не расслышал, или не захотел прислушиваться. Сделав еще одно резкое движение вправо, он схватился обеими руками за водосточную трубу и, цепляясь ногами за стену, стал спускаться. Временами останавливаясь на короткое мгновение, он медленно и осторожно двигался до второго этажа. Но затем, видимо, силы кончились — парень быстро заскользил по трубе и сорвался. Правда, до земли оставалось недалеко, и он даже не упал — лишь присел под тяжестью девочки.

Когда я к нему подошел, он весь трясся, обе ладони были в крови... Мужики пожимали ему руки, по-братски хлопали по спине, женщины горячо благодарили, а он лишь молча смотрел в землю. Я так и не понял: от стресса это у него или от природной скромности?

Девочку вскоре увели. А когда наконец-то приехали пожарные, все вновь засуетились, и никто не заметил, куда делся безумец. О нем вспомнили, когда кто-то наступил на валявшуюся под ногами куртку...

Никто не знал, как зовут героя, где живет, откуда он взялся. Даже его внешность, как выяснилось, толком не запомнили. Ну, темноволосый, ну, лет тридцать, ну, высокий... И все! Твои коллеги пытались по этим скудным приметам отыскать его, да не получилось. Помню, даже репортаж на местном канале выходил. Власти, кажется, хотели наградить его за героизм. Призывали откликнуться, но тщетно. То ли безумец обо всем этом попросту не знал, то ли ему действительно ничего эдакого — ни наград, ни славы — не нужно. Трудно сказать...

Город около недели гудел: все только и говорили о пожаре да о безумце, загадочном герое нашего времени. А он пропал...

Позже мне кто-то рассказывал, как он вдруг появился в детдоме. Парень захотел проведать спасенную им девочку. Как же ее зовут?.. Старое такое имя... То ли Варя,

то ли Поля? Не помню! В общем, Полина ему обрадовалась, как родному. С криком бросилась на шею, растрогав до слез воспитателей детдома, которые потом и рассказали о визите героя. Эта история, знаешь, быстро превратилась в местную легенду, и я не удивлюсь, если большая ее часть окажется красивым вымыслом. Народ любит приукрашать, а безумец за считанные дни стал всеобщим любимцем: в соцсетях появилось штук пять групп, посвященных скудной информации о нем. Многочисленные фанаты пытались его разыскать...

— Не использовал этот сюжет в каком-нибудь ролике? — поинтересовался Юрий.

— Нет, — сухо ответил Игорь. — Меня вся эта история заинтересовала чисто с человеческой стороны. Захотелось понять, что он за человек и что вообще за всем этим стоит, так как после дальнейших событий возникло много разных слухов, как перевозносящих, так и чернящих безумца. Для одних он стал едва ли не святым, другие сочли его психом-одиночкой, а третьи и вовсе усмотрели во всем этом красивую многоходовочку накануне очередных выборов. В общем, как всегда у нас бывает: не герой, так негодяй...

— А что за дальнейшие события?

— Рассказывают, будто он стал часто навещать в полусгоревший детдом, общаться с Полиной и другими детьми. Так как здание существенно пострадало, то часть детей расселили по другим детдомам. Ну а часть осталась: кому-то мест не хватило, кто-то не захотел переселяться. Осталась и Полина... Не знаю почему. Я думал, что ее-то уж в первую очередь переселят, но нет... В общем, стал безумец регулярно к ней навещать. Девочка очень привязалась к нему, да и он к ней, говорят, тоже. Хотел даже удочерить ее, но наши бюрократы не дали.

— Почему?

— Сочли недостойным. Холостой, семьи ранее не было, в свои тридцать пять ни с кем не встречается. Подозрительно, мол! Стабильного заработка не имеет, официально нигде не работает — значит, содержать ребенка не сможет. Вроде какие-то вопросы возникли по поводу его жилья и образования. Да и по закону, говорят, одинокому человеку не разрешено усыновлять детей. Короче, подробностей не знаю. Тянулось все это около полугода, периодически освещаясь в СМИ. А когда ему было окончательно отказано в удочерении, безумец продал свой дом и перевел полученные деньги на счет детдома для восстановления горевшего здания. После то ли переехал жить к какой-то пожилой родственнице, то ли ее дом продал, а старушку забрал к себе. А кто говорит, что это было наследство. В общем, все запутанно и непонятно. Но деньги он перевел — это факт, и сам потом всю осень помогал восстанавливать детдом. От назойливых журналистов всякий раз отмахивался. Рассказывают, что одному даже камеру разбил! Не знаю, правда или нет...

— И че СМИ? Даже его имени не узнали?

— Да его все по-разному зовут: кто Ваней, кто Петей, кто еще как... Но после продажи дома и драки с журналистом многие стали его называть психом-одиночкой или безумцем.

— Н-да, интересный кадр, — задумчиво произнес Юрий. — Из всей этой истории может получиться классный материал!.. Как чувствовал — включил диктофон.

Он довольно улыбнулся.

— Не зря мы с тобой сегодня встретились! Еще бы с этим безумцем поговорить.

— Ну, ты и журналиста, — с ноткой грусти в голосе произнес Игорь. — Попробуй, если хочешь, но вряд ли у тебя получится.

— Посмотрим.

Юрий взглянул в ту сторону, где сидел безумец, но там уже никого не было.

2

Апрельское солнце приятно ласкало кожу своими теплыми, еще не обжигающими лучами. С востока дул легкий, по-весеннему игривый ветерок. Небо было высоким, ясным, светло-голубым. Испытывая особую, свойственную лишь этой поре года легкость на душе, Иван безмятежно улыбался. В эти минуты ему хотелось обнимать всех и каждого! Он был счастлив. Не спеша он шел по просохшему асфальту, вдыхая полной грудью воздух, несущий в себе ароматы пробуждающейся природы, цветущих деревьев. Иван напрочь позабыл об одиночестве, которое в последнее время ошутимо терзало его душу, о многочисленных делах, в которые он стремился окунуться с головой, скрывшись от непроглядной тоски. Казалось, все куда-то исчезло, отступив перед весной, ворвавшейся в его душу и наполнившей собою все его естество. Казалось, жизнь навсегда утратила мрачные тона и окрасилась в исключительно светлые, звенящие радостными колокольчиками краски.

Когда Иван поравнялся с подземным переходом, его окликнула пожилая женщина. Прошлым летом он несколько раз видел ее возле педагогического университета. Женщина рисовала портреты, продавая их студентам за небольшую плату.

— Молодой человек, — сказала она, печально взглянув в лицо Ивана уставшими глазами, — подайте на хлеб...

Иван машинально опустил руку в карман, где обычно носил деньги, но монет там не оказалось. Были лишь сотенные купюры.

— К сожалению, нет, — ответил он и пошел дальше.

На душе стало грустно оттого, что не нашлось столь нужной сейчас мелочи и он не смог помочь женщине. Было еще какое-то чувство, но Иван не сразу понял, что это. Он шел, стремительно ускоряя шаг, а из головы все не выходила пожилая женщина с ее тихим, неуверенным голосом и такими грустными глазами. Ивану было искренне досадно, что в кармане оказались лишь сотенные купюры. И вдруг его словно осенило:

«Господи, но ведь у меня целых девятьсот рублей, на которые я намереваюсь прожить неделю, а у нее нет денег даже на хлеб! Ища мелочь, я пожалел дать ей купюру! Я мог помочь человеку, но не стал этого делать и прошел мимо! Я пожалел деньги для нее, для тебя, Господи, пожалел! Прости меня, Боже!..»

От внезапного прозрения болезненно сжалось сердце, а по телу разлился ледяной холод. Иван остро ощутил себя последним подлецом и предателем. Вынув из кармана сотню, он стал останавливать прохожих, пытаясь разменять ее. Но люди, как назло, отвечали отказом и проходили мимо. Отчаявшись, Иван огляделся по сторонам. Заметив такси, которое припарковалось на противоположной стороне улицы, он бросился к машине.

— Брат, выручишь? — распахнув водительскую дверцу, спросил он с нескрываемой надеждой в голосе. — Бога ради, разменяй сотку!

— Да не вопрос, — таксист порывшись в пластмассовой коробочке с деньгами, закрепленной на торпеде «Жигулей». — По полтиннику устроит?

— Да, вполне. Спасибо огромное!

Разменяв деньги, Иван облегченно вздохнул. Теперь можно вернуться и помочь человеку!

«Нет, — вдруг подумал он, — я не полтинник дам! Сотню! Раз пожалел сотню, так всю сотню ей и отдам. Лишь бы только она еще была у перехода!.. Прости меня, Господи, и помоги, прошу тебя!..»

Солнце скрылось за продолговатым облаком, вальяжно выплывшим из-за ближайшей многоэтажки. Ласковый восточный ветер сменился северным, более резким

и прохладным. Лежавшая возле бордюра небольшая рыжая собачонка, внезапно вскочив и отряхнувшись, засемила по улице. Иван, думавший в эти минуты лишь о пожилой женщине, которая не имела средств даже на самое необходимое, едва не растоптал подвернувшуюся ему под ноги дворняжку. Взвизгнув и поджав хвост, собачонка отскочила в сторону. Чертыхнувшись, Иван бросил на нее сочувствующий взгляд и ускорил шаг.

Дойдя до подземного перехода, он стал озираться по сторонам, но женщины нигде не было. Спустившись по ступеням, Иван какое-то время бродил по переходу, все еще надеясь ее встретить, затем, выйдя на противоположную сторону улицы, медленно побрел вдоль дороги.

«Господи, прости меня, пожалуйста! — вновь мысленно молил он. — Прости, что сразу не откликнулся, что пожалел деньги!.. Умоляю тебя, помоги ей найти средства к пропитанию!.. А мне теперь только и остается, что молиться о ней, надеясь на твою, Господи, милость...»

На душе у Ивана стало горько и тоскливо. От светлого весеннего настроения, еще недавно целиком владевшего им, не осталось и следа. Ему было больно и досадно. Иван всякий раз переживал, видя людей, нуждающихся в помощи и не имея возможности оказать ее, горячо молился о них. Но одно дело, когда ты хочешь помочь, да не имеешь такой возможности, и совсем другое, когда она тебе дается, но ты пренебрегаешь ею. От этого на душе становится еще тяжелее. Остро осознаешь, что не в сложившихся обстоятельствах причина, а в тебе самом. И уже нельзя ничего исправить!

Всецело отдавшись столь невеселым переживаниям, Иван далеко не сразу услышал, как его кто-то окликнул.

— Дядя Ваня! — наконец-то догоняя Ивана, в который раз повторил молодой парень. — Кричу, кричу вам, а вы не реагируете!..

— Димка! — обернувшись, радостно воскликнул Иван.

Парень счастливо заулыбался.

— Извини, пожалуйста! Задумался... Как ты поживаешь?

Они крепко пожали друг другу руки и не спеша продолжили путь.

— У меня, слава богу, все в порядке. Как вы и советовали, съездил на недельку к родственникам, сменил обстановку, отдохнул немножко. Потом, вернувшись домой, подал документы в универ, — оживленно рассказывал парень. — Если честно, жутко переживал, боялся, что провалюсь. Но каждый раз вспоминал наш с вами разговор, и это придавало сил. И все ведь получилось — поступил! Учусь вот потихоньку. Сейчас пишу курсовую...

— Молодчина, — искренне похвалил Иван. — Я еще тогда, на берегу, ни минуты в тебе не сомневался. А на кого поступил?

— На археолога, — улыбнулся Дмитрий. — Понимаю, что сложно и что романтики тут гораздо меньше, чем различной рутин. Но я обязательно справлюсь! Просто это действительно мое! Душа лежит, понимаете?

— Конечно, понимаю, Дим. Ты все правильно сделал. Заниматься нужно тем, к чему лежит душа, в чем чувствуешь свое предназначение. А трудности есть везде — без них никак. Но Господь обязательно поможет их преодолеть, подскажет верные решения. Да и когда занимаешься любимым делом, возникающие на пути препятствия не угнетают, а, скорее, воодушевляют! Благодаря им мы открываем новые возможности для дальнейшего движения вперед.

— Это верно, — согласился Дмитрий. — А у вас как дела? Чем сейчас занимаетесь?

— Да и у меня, слава богу, все потихоньку. Детский дом восстановили: от пожара не осталось и следа. Детки вновь живут во всем здании. Варю, к сожалению, мне так

и не разрешили удочерить, — Иван грустно вздохнул. — Навещаю иногда ее, гуляем в окрестностях детдома. Она такая замечательная девочка! Очень хочется, чтобы жизнь не была ее. Каждый день молюсь о ней, прошу Господа, чтобы хранил ее. Вот... А сейчас пытаюсь найти деньги на ремонт одной из поселковых школ. Здание аварийное, край как нуждается в починке. Других же школ вблизи нет. До ближайшей — пятнадцать километров. Это очень неудобно, сам понимаешь.

— Я вот слушаю вас и не перестаю поражаться, дядь Вань! Вы святой, ей-богу!

— Да ладно тебе!.. Просто делаю то, к чему душа лежит. Да и деток очень люблю. Хочется им хоть немного помочь...

Они какое-то время шли молча, каждый думал о чем-то своем.

— Вот смотрю по сторонам, — заговорил вновь Дмитрий, — все вокруг оживает, просыпается. Цветут деревья, птички поют. Такое ласковое солнышко, теплый ветерок щекочет шею, лицо. Обалденные весенние запахи! От всего этого сейчас очень светло и радостно на душе, такой мощный прилив сил!.. А ведь всего этого могло и не быть... Если бы не вы, дядь Вань, меня бы уже не было... Спасибо вам огромное и за то, что вы тогда сделали, и за эту весну! Вы — мой чудотворец, и я этого никогда не забуду!..

Дмитрий схватил руку Ивана и с чувством пожал ее.

— Спасибо вам большое, дядь Вань!.. — тихо произнес он.

— Да ну... — смущенно ответил Иван. — Я просто поступил, как велела душа...

— Я этого никогда не забуду, — отпуская мозолистую и слегка прохладную руку, с чувством повторил Дмитрий. — Ой, мой автобус, — бросив взгляд на дорогу, сказал он. До остановки как раз оставалось метров десять. — Я побегу... Очень рад был вас увидеть, дядь Вань!

— Я тоже, Дим!..

Они крепко обнялись.

— Давай, удачи тебе!

— И вам! До свидания!..

Дмитрий побежал к остановившемуся автобусу, а Иван с задумчивым видом смотрел ему вслед.

3

Знакомство Ивана с Дмитрием произошло в июле прошлого года. Стояла изматывающая жара. Выбравшись за город, Иван отыскал уединенное место на берегу извилистой реки и, растянувшись на траве, устремил взгляд в ясное, бездонное небо. В детстве он любил вот так лежать часами, наблюдая за медленно плывущими по бескрайнему небосводу причудливыми облаками. Только в этот раз на небе не было ни единого облачка, и детская мечтательность сменилась душевной опустошенностью. Слишком много за последние годы в жизни Ивана было боли и потерь. Одно следовало за другим, практически не давая перевести дух, вновь набраться сил. Только Ивану начинало казаться, что период потерь окончен, что на смену задержавшейся черной полосе пришла долгожданная белая, как жизнь наносила очередной жестокий удар. Вот и теперь та же ситуация. После спасения девочки из горящего детдома Иван всей душой привязался к этой сиротке. Ему очень захотелось удочерить ее, окружить заботой и любовью, как родную дочку, отдать ей все нерастраченное тепло своей души. И Варя, чувствуя его искренность, потянулась к Ивану. Он был счастлив, сердечно радуясь обретению семьи — пусть и немного необычной, но своей семьи! Душа Ивана так истосковалась по возможности дарить тепло, любовь близкому, родному человеку! Ему так сильно этого не хватало! Жить одному для него было невыносимо. И вот, ка-

залось, одиночеству наступал конец. Иван был на седьмом небе от счастья: у него появилась дочь! Милая, родная дочурка, которую он полюбил всем сердцем! Но жизнь вновь напомнила о том, что мир жесток. Иван чувствовал, что ему откажут в удочерении. Он это понимал и ничего не мог поделать. Опять разрешалось отдавать любимому человечку лишь жалкие крупички того тепла, которое переполняло его душу. И вновь на пороге стояли бесчисленные часы тоски и одиночества.

«Господи, Отец наш всевышний, умоляю тебя, дай сил вынести все это, помоги не сломаться», — шептал Иван, проникая взглядом в глубину бездонного небесного океана.

Со лба медленно катились крупные горошины пота. Они щекотали щеки, попадали в глаза, рот. Ивану приходилось периодически смахивать их с лица. Хотя уже и было далеко за полдень, солнце все еще продолжало нещадно печь. В воздухе стоял полный штиль. Не ощущалось ни малейшего дуновения хотя бы слабенького ветерка. Водная кромка, казалось, была затянута прозрачной пленкой. На зеркально гладкой поверхности не просматривалось ни единого круга, ни малейшей ряби. Где-то в кроне высоченного тополя, возле которого лежал Иван, затерявшись в пожухлой листве, временами вяло чирикала какая-то птица. Она будто бы из последних сил обращалась к небу, призывая его хоть немного снизить жар расхолодившегося солнца. Просила полать хотя бы легкое дуновение освежающего ветерка.

На этой стороне реки берег был довольно крутой. Местами грунтовая насыпь оканчивалась почти трехметровым обрывом. Иван лежал на небольшом выступе, своеобразной природной террасе. К северу от тополя шел крутой подъем, на который в весенне-осеннюю пору было весьма непросто взобраться, особенно после проливных дождей или таяния снега. Почва становилась невероятно скользкой, а ухватиться было абсолютно не за что. В сухую погоду хотя и с большой предосторожностью, но пройти тут все же можно. К югу от дерева, примерно шагах в пяти, берег резко обрывался, но до водной кромки оставалось всего около метра. Иван помнил, как во время предыдущего посещения этих мест он прыгал здесь в воду. До дна прямо у берега было несколько метров, и парень, хорошо умеющий плавать, с удовольствием погружался под воду, наслаждаясь ее блаженной прохладой. Вынырнув едва ли не на середине реки, он плыл вниз по течению, пока не находил подходящее место для выхода на сушу. Ближе к берегу природная терраса сильно сокращалась в размерах, превращаясь лишь в небольшой выступ, который затем и вовсе исчезал в чреве нависающего откоса. От края обрыва до водной кромки здесь было не менее пяти метров.

Услышав где-то сверху шелест гравия, Иван нехотя поднялся и, задрав голову, стал искать источник шума. Он и сам не мог бы толком объяснить, что именно в тот момент подтолкнуло его вырваться из плена сладкой неги и в тревожном ожидании напрячь все мышцы. Вот мелькнула какая-то тень, и показалась голова. Сердце Ивана учащенно забилось, а лоб покрылся холодной испариной. Ему хватило доли секунды, чтобы оценить обстановку. Там, наверху, к обрыву бежал подросток. Еще чуть-чуть — и он полетит вниз. Террасы в его предполагаемом месте падения уже практически нет, на ней не задержаться. А из воды торчат угловатые вершины массивных глыб... Иван несколько раз подплывал к ним и внимательно рассматривал. Падение с такой высоты на эти камни даже при очень большом везении — тяжкие увечья...

Страшный крик разорвал знойную тишину. Иван изо всех ног бросился бежать вдоль террасы. Сверху, на считанные сантиметры опережая тело парня, дождем посыпался гравий. От сильного удара Ивана развернуло вправо, бросив к обрыву, до которого оставалось не более пары ступней. Но за миг до этого он успел выставить вперед руки и теперь, машинально всем телом дернувшись в противоположную от воды сторону, заваливался на спину, мертвой хваткой вцепившись в плечо и шею парня.

В затылок впились камни, перед глазами поплыли красно-синие круги. Ивана подбросило, и парень, ошалело колотя руками и ногами, оказался под ним. Левая нога зависла в пустоте, правой удалось зацепиться за край обрыва. Руки замерли, перестав скользить по гравию. Парень тоже затих...

Над головой застыла оглушающая тишина. Круги перед глазами слились в желто-алый туман, который все же понемногу рассеивался. В висках била барабанная дробь. Дыхание было учащенным, но также постепенно приходило в норму. Иван пошевелил окровавленными руками, скатился с парня и осторожно поднялся на ноги.

— Живой? — спросил Иван, присев над парнем и теребя его за плечо.

— Зачем? — приоткрыв глаза, тихим, хриплым голосом спросил тот.

— Это я от тебя хотел бы услышать. Пойдем, — Иван подхватил парня под мышки, поднял на ноги и, придерживая, повел к тополю. — Тебя как звать?

— Дмитрий...

Парень попытался высвободиться, но Иван осадил его.

— Спокойно, не дергайся, — сухо бросил он.

— Да че тебе надо? Пусти, козел! — закричал вдруг Дмитрий и, резко дернувшись, вновь предпринял попытку вырваться.

Две звонкие пощечины мгновенно охладили его пыл. Парень сразу обмяк, опустил голову и больше не пробовал сопротивляться.

Когда они подошли к тополю, Иван с силой надавил ладонью на его плечо.

— Садись, — властно приказал он.

Дмитрий опустился на землю. Иван присел рядом. Какое-то время они сидели молча, лишь изредка поглядывая друг на друга. Дмитрий оперся спиной о ствол дерева, поставил локти на колени и охватил руками голову. Иван сидел на корточках, нервно теребя руками грязные шорты.

— Зачем ты это сделал? — уже спокойным и каким-то отрешенным голосом спросил Дмитрий. Все его тело, как ни пытался он это скрыть, пробивала нервная судорога. — Кто тебя просил? Сейчас все бы уже кончилось. А теперь еще хуже... Так мерзко на душе!..

— Сядь на солнце! Немного согреешься, и дрожь пройдет, — сказал Иван, не сводя с парня пронизывающего взгляда.

Дмитрий поморщился, но повиновался.

— Зачем? — с ледяной тоской в голосе повторил он.

— Чтоб сохранить тебе жизнь, — сказал Иван первое, что пришло ему в голову, и сам же скривился от банальности и пафоса прозвучавших слов.

— А зачем мне такая жизнь? Зачем мне эти серые будни, эти холодные закаты и рассветы, эти бесконечные тягучие ночные часы? Зачем мне все это, когда душу разрывает невыносимая тоска, когда сил больше нет терпеть непереносимую пустоту? Зачем? Скажи!..

— Сильно любишь ее? — осторожно поинтересовался Иван, и в голосе его прозвучало искреннее, неподдельное тепло, отцовское все понимающее участие.

Дмитрий порывисто взглянул ему в лицо, но тут же отвел взгляд и вновь обхватил руками голову.

— Очень, — немного помолчав, тихо признался он.

— А сам едва не покалечил ее.

Слова Ивана заставили вздрогнуть парня. Он вновь отнял ладони от лица и недоуменно посмотрел на говорившего.

— Она ведь знает, что ты ее любишь?

— Конечно...

— И очень переживает, понимая, что ты из-за нее страдаешь. Ее боль, возможно, ничуть не слабей твоей. Она видит, как ты всей душою к ней тянешься, но, не желая тебя обманывать, не желая и не умея лицемерить, вынуждена отстраняться от тебя, держаться холодно, отчужденно. От этого очень страдает. Иной раз тоже не спит, чувствуя тревожное беспокойство, плачет украдкой... А если бы ты сейчас убился, она всю оставшуюся жизнь винила бы себя в случившемся. Ты причинил бы ей невыносимую боль, которую она уже никогда не смогла бы унять... Даже время не способно полностью излечить столь глубокие раны. Особенно у чутких, нежных, светлых душ...

— Но как же мне тогда быть? Я не боль хочу причинить ей, а дарить счастье! Я люблю ее, очень люблю и не могу жить без нее!.. Я только о ней и думаю. Каждую минуту хочу быть с нею рядом: видеть ее красивые, улыбающиеся глаза, слышать ласковый, нежный голос, вдыхать запах ее мягких, шелковистых волос, чувствовать тепло ее нежных, таких родных рук! Я не могу без всего этого, понимаешь, не могу!.. Без нее все кажется ненужным и бессмысленным. Я очень люблю ее и, получается, вместо счастья дарю боль... Ну как же так?! И жить без нее не могу, и умереть нельзя... Сейчас такое мерзкое состояние на душе: чувствую себя последним ничтожеством... Зачем я такой? И как со всем этим жить? Зачем?.. Ведь разве не в любви весь смысл? Но почему тогда от нее всем больно? И без нее пусто, и с нею невыносимо... Как быть, скажи?

— Любить безответно, конечно, очень тяжело. Отчего возникает такая любовь и зачем она нам дается, сказать трудно. Это, наверное, известно лишь одному Богу. Человеческие взаимоотношения только на первый взгляд кажутся такими простыми: встретились, понравились друг другу, признались в том — и все, наслаждайтесь безоблачным счастьем. Нет, все на самом деле гораздо сложнее, тоньше. У каждого из нас есть свой личный жизненный опыт, в том числе и горький, заставляющий на все смотреть с оглядкой. А порой, напротив, опыта как раз и не хватает, из-за чего мы горячимся, теряя терпение, совершаем ошибки, и наши искренние, чистые по своей сути желания окружающим кажутся совсем иными: эгоистическими, легкомысленными... И чувства могут не одновременно пробуждаться: у кого-то раньше, у кого-то позже, и не каждый может сразу на них решиться. Кого-то может остановить страх перед еще неизведанным, кого-то — боль, оставленная прежними попытками обрести счастье, горечь тяжкого разочарования, гнетущая вина за совершенные ошибки... И даже если все складывается радужно, оба признаются друг другу в чувствах — это лишь первый, самый легкий шаг. Чувства, как искра! Они легко вспыхивают и столь же легко гаснут. Для того чтобы искра превратилась в пламя, нужно приложить немало усилий, причем обоим. Одному тут ничего не сделать...

У обоих должно быть глубокое понимание всей серьезности дела, за которое они взялись, и трепетное отношение к нему. А иначе кто-то один будет пытаться тянуть всю ношу, тщетно зывая к другому, пока либо не надорвется, либо не бросит все с отчаяния. И тогда снова боль — от неудавшейся попытки, от несбывшейся мечты... Жизнь — очень сложная штука, она полна тяжелых испытаний и горьких болезненных ошибок. Но в то же время она самый бесценный дар Божий. И любовь, как основа жизни, тоже. И если Господь дает тебе любовь, надо этому радоваться. Даже тогда, когда чувства безответные, когда тебе приходится их в себе сдерживать. Конечно, любить того, кто тебя не любит, многократно сложнее, но как знать, а вдруг Господь в итоге приведет к ответным чувствам, и пройденный путь сделает ваш будущий союз лишь прочнее. Да и потом... настоящая, чистая, глубокая любовь больше стремится отдавать, нежели брать. Я понимаю, что намного легче отдавать, находясь с ней рядом, всячески поддерживая ее, окружая теплом, лаской, заботой. Но если ты действительно ее любишь, научись отдавать незаметно. Старайся очистить свои чувства

от эгоизма. И не дай им умереть! Господь не для этого тебе их дал. Верь ему, и все будет благополучно, вот увидишь.

— Но как я могу отдалить незаметно? Чем я могу ей помочь, если она всячески избегает меня, держится холодно и замкнуто?

— Не делай ничего того, что могло бы причинить ей боль, доставить неприятные ощущения или вызвать неловкость. Если она не может ответить тебе взаимностью, не показывай всем своим видом, насколько тебе без нее плохо. Этим ты лишь пробуждаешь в ней чувство вины, мысли о том, что она способна приносить окружающим лишь страдания. Не будь излишне настойчив, навязчив, но молись о ней, искренне прося Бога уберечь ее от всех бед и невзгод, от ошибок и потерь, прося дать ей сил и терпения, отпустить все грехи и управлять на дальнейшем жизненном пути. Верь, и Господь не оставит ни тебя, ни ее; прислушивайся к сердцу, и поймешь, как нужно поступать. Молись о ней, и тем дашь ей очень многое; и положишься на Господа — он даст сил и все управит.

— Вы, наверное, батюшка? — переходя вдруг на «вы», спросил Дмитрий.

— Да нет, мне до батюшки очень далеко, — вздохнув, ответил Иван. — Я большой грешник. Просто пытаюсь придерживаться светлой стороны течения, хотя и плохо у меня это получается...

— Светлое течение? — переспросил Дмитрий. — Это как?

— Да это я как-то размышлял о жизни, и в голову пришел такой образ. Если хочешь, могу рассказать.

— Давайте.

Иван немного помолчал, собираясь с мыслями.

— Я все думал о том, что человек не может делать ничего доброго, светлого без воли, без помощи Господа. И любое доброе дело — это заслуга не человека, а Бога, помогшего, позволившего его сделать. При этом в Библии говорится, что Господь дал человеку волю, свободу выбора. Но в чем же тогда заключается воля? И зачем она, если в молитве мы просим, чтобы все было по воле Бога, а не по нашей? Неужели выходит так, что мы сами не можем сделать ни малейшего доброго дела? И когда я об этом задумался, Господь мне послал такой образ: большой водный канал, по дну которого проходит вертикальный забор, разделяющий водную массу на две части. Но забор этот почти не выступает над ее кромкой, так что капли могут с легкостью перемещаться с одной половины канала в другую. При этом по одну сторону забора вода течет чистая, прозрачная, а по другую — грязная, мутная. Чем дальше от забора в ту или иную сторону, вода становится либо чище, либо, напротив, грязнее, — смотря какая сторона. А в центре канала вода примерно одинаковая, так как ее капли то и дело пересекают забор, смешиваясь друг с другом. И вот течет этот канал, течет, а затем та его половина, где чистая вода, впадает в такое же чистое, светлое озеро, а другая половина с мутной, грязной водой — в сливную яму, от которой так и разит мерзким зловонием. Забор, разделяющий канал, — это тонкая грань между добром и злом. Капли — это отдельные люди, которые в большинстве своем находятся вблизи забора, постоянно перепрыгивая через него то в одну, то в другую сторону. Светлая, чистая вода — это добро, любовь, идущие от Бога. Грязная, мутная вода — зло, ненависть, идущие от всякой нечисти. Каждая отдельно взятая капля ничего собой не представляет — ни силы добра, ни силы зла. Однако она может стать частицей того или другого. Без этой капли ни добро не ослабеет, ни зло, ибо таких, как она, капель, несчетное множество. Но у каждой капли есть выбор: держаться одной стороны канала или другой. И своим примером она может подтолкнуть ближайšie капли последовать за ней. Сама по себе капля — ничего по сравнению с целой водной массой, но она может стать частью

чего-то большого: либо доброго и светлого, либо грязного и мутного. В этом и заключается данная Богом воля. Человек оказывается перед выбором: стать частицей его добра, любви или же примкнуть к злу и ненависти.

— И получается, чем дальше капля удаляется от забора, тем она сильнее очищается либо, напротив, пачкается? — спросил Дмитрий.

— Верно. Ведь как вода может принять в себя различные примеси, меняя окрас, вкус, так и человек способен изменяться.

— И значит, у одного берега канала — святые, а у другого — совсем пропащие люди? Придерживаясь одного берега, мы как бы очищаемся, а другого — набираемся грехов? А озеро и сточная яма — это рай и ад?

— Да, все верно.

— Здорово! А что вы лично делаете, чтобы держаться чистого берега?

Внезапно налетевший порыв ветра сорвал с ветвей несколько листьев, скукожившихся от жары. Один из них, описав в воздухе затейливую дугу, лег, словно погон, на плечо Ивана. Он невольно улыбнулся и, взяв листок осторожно, будто хрупкую реликвию, положил на траву. К листку тут же устремился весьма проворный жук, до этого настойчиво пытавшийся взобраться на росшую рядом травинку. Заметив это, Иван вновь улыбнулся.

— Понимаешь, Дима, — наконец произнес он, — сказать в ответ много красивых высокопарных слов нетрудно. Но это неправильно. Не я должен говорить о своих делах, а они обо мне. Но если ответить на твой вопрос... — Иван вздохнул. — Пытаюсь относиться к людям так, как бы хотел, чтобы они относились ко мне. Это очень сложно и не всегда получается. Далеко не всегда. Легко ответить улыбкой человеку, который перед тем тебе улыбнулся, особенно если он симпатичен; и как же порою сложно первым подать руку тому, кто совсем недавно жестоко обидел тебя!.. Непросто, испытывая боль, хотя бы попытаться понять мотивы человека, причинившего тебе эту боль, стать на его место и затем продолжать относиться к нему так, будто между вами ничего плохого не случилось. Я пытаюсь так поступать, но насколько хорошо это получается, судить не мне. Важно также особо не заострять внимание на сделанных делах, не хвалиться ими. Сделал, да и сделал. Живи дальше, не думая об этом. И научиться прислушиваться больше к сердцу, а не рассудку. Увидел, к примеру, горящий дом... Разум тебе говорит, чтобы шел дальше, не останавливался! У тебя, мол, много важных дел, да и не пожарный ты, помочь не сможешь. А сердце, напротив, кричит: «Подойди, узнай, что там да как, помоги, чем можешь!» Вот в такие минуты и нужно слушаться сердце, ибо через него с тобою сам Бог разговаривает. А помог — уходи, не жди благодарности. Сделал хорошее дело — и продолжай свой путь...

— Постойте! — вдруг воскликнул Дмитрий, пристально взглянув в лицо Ивана. — Вы не тот самый незнакомец, зимой в городе спасший девочку? Ну, когда интернат горел.

— Детский дом, — опуская глаза, поправил Иван. — Да, все верно.

— Ничего себе! О вас ведь все вокруг только и говорили, в газетах писали! Мы с Ритой вместе одну такую статью читали. И вдруг вы — в нашем поселке. И вновь спасаете чужую жизнь... — тихо добавил Дмитрий. Он немного помолчал. — А как сейчас та девочка? Писали, что вы хотите ее удочерить. Получилось?

— С ней, слава богу, все нормально. А вот с удочерением мне, вероятнее всего, откажут.

— Почему?!

— И жилье неподходящее, и не женат я.

— Но как же так?!

- На все, Дима, воля Божья. Значит, так надо.
- Грустно все это... А могу я вам хоть чем-то помочь? И посоветуйте, пожалуйста, как мне хоть чуть-чуть отдалиться от забора в верном направлении?
- Сложный вопрос. В первую очередь, наверное, постарайся справиться с тяжелым душевным состоянием. И попробуй найти свое предназначение. А когда почувствуешь, что нашел, старайся следовать ему. Молись! И Господь обязательно тебе поможет. Я тоже буду о тебе молиться.
- Спасибо вам большое! — тихим, слегка срывающимся голосом произнес Дмитрий.
- Да не за что, — ответил Иван. — Ты школу уже ведь окончил? — спросил он.
- Да. В этом году.
- А куда будешь поступать?
- Пока точно не знаю... Меня музыка увлекает, еще шахматы, история. С Ритой когда-то мечтали, что она на медсестру поступит, а я — на археолога...
- Внимательно прислушайся к себе. Это правда очень важно!..

4

Из воспоминаний Ивана вывел звонкий женский смех, вдруг раздавшийся всего в нескольких шагах от него. Девушка, разговаривая по телефону, переходила дорогу. Ее мягкий, спокойный голос был таким родным, каждая нотка до боли знакома!.. По телу разлилась волна чего-то мягкого и теплого, лицо вспыхнуло. Иван взглянул в ее сторону. Доли секунды хватило, чтобы оценить обстановку и принять единственно верное решение. Сердце сжалось, сильно кольнув в груди.

— Вика! — заорал Иван.

Два быстрых прыжка, и он схватил девушку за руку, резко дернул на себя. В тот же миг мимо них пронесся серый «опель», вылетевший до этого из-за поворота. Колеса машины прошли всего в нескольких сантиметрах от ног девушки.

По тротуару в это время проходила пара с ребенком в коляске.

— Псих какой-то!.. Или маньяк, — донесся до Ивана негодующий женский голос.

— Глупая, он ей жизнь спас, — ответил мужчина.

«Опять», — пронеслось в голове у Ивана.

Все еще держа девушку за руку, он вдруг заметил лежавший на асфальте мобильный телефон. Поднял устройство, подал его хозяйке. Девушка дрожащей рукой положила телефон в сумочку и отошла с проезжей части. Лицо ее было бледным от пережитого испуга.

— Спасибо вам большое, — тихо произнесла она.

— Да не за что, — отозвался Иван. — Как вы себя чувствуете? Все нормально?

— Ноги немного трясутся, — смущенно улыбаясь, ответила девушка. — И сердце все еще колотится...

— Давайте я сбегаю куплю водички. Там, за углом, магазин есть.

— Нет, не надо. Все хорошо, не переживайте. Спасибо вам огромное!..

— Да не за что, — тихо повторил Иван, опуская глаза.

— Я пойду, хорошо? — немного помолчав, осторожно спросила девушка.

— Да, конечно. И будьте внимательны.

— Хорошо. Спасибо вам.

Девушка медленно удалялась, а Иван стоял и смотрел ей вслед.

— Господи, — прошептал он, когда девушка скрылась из вида, — как же она похожа!.. Лицо, волосы, походка... И голос! Он такой же, как у Вики!.. Я его всегда различу среди гула тысяч голосов!..

Какое-то время Иван брел по городу, не разбирая дороги. На душе стало совсем пусто, а в голове не было никаких мыслей. Он просто шел, механически совершая движения. Ноги сами привели в парк и остановились возле лавочки. Иван сел.

— Господи, — взмолился он, — ради всего святого, умоляю тебя, храни ее! Отпусти ей все грехи, какие только у нее есть, исцели все ее душевные раны и дай сил! Управь, подскажи верный путь и не дай с него сойти! Убереги от бед и огради от страданий, тяжелых испытаний, невыносимых трудностей! Святой Николаюшка Угодничек, святой Сергей Радонежский, Пресвятая, Пречистая Дева Мария, умоляю вас, помолитесь Отцу нашему небесному, Святому Господу о родном моем человечке, об отпущении ей всех грехов! Благослови ее, Господи! Пусть у нее все будет благополучно, прошу тебя!..

Порой Ивану очень хотелось попросить Господа и о том, чтобы они с Викой могли вместе идти по жизни, но он старался отгонять эти мысли.

«На все воля Божья, — думал он. — Если двое действительно могут быть счастливы, то Господь обязательно все управит, и они когда-нибудь будут вместе. Если же этого не происходит, значит, еще не пришло время или же вовсе не должно произойти. Раз Господь дал чувства, он знает, для чего они, а напрасно ничего не дается. И если ты искренне, всей душой любишь, нужно молиться в первую очередь о дорогом тебе человеке, прося за него. А все остальное Господь управит, сделав так, как действительно лучше для вас обоих. В этом не стоит сомневаться. Господь все знает и все видит! Надо полностью довериться ему».

Окончив молиться, Иван какое-то время сидел неподвижно. На душе стало легче и теплее, пустота заполнилась особым светом. Вдохнув, он слегка тряхнул головой.

— Надо дальше заниматься начатым делом. Детишки ждут помощи. Научи и направь, Господи, прошу тебя!..

Долго перелистывая свой блокнот, испещренный различными заметками, Иван наконец нашел нужную запись. Достав из кармана мобильный телефон, он набрал написанный на помятом листке номер.

— Игорь Борисович, здравствуйте! Удобно говорить?

— Да, удобно. А кто это?

— Это Иван.

— Какой Иван?

— Ну, безумец, — немного замявшись, пояснил Иван.

— А, понял. Слушаю тебя.

— Я хочу попросить вас о помощи. Вы же знаете такой поселок — Новая Михайловка? Километров пятьдесят к востоку от города.

— Это где монастырь?

— Да, примерно. Немного не доезжая, налево и вдоль по реке.

— Понял. И что там?

— Там поселковая школа. Здание в очень плохом состоянии. Крыша течет и в любой момент может обрушиться. Других зданий, куда бы можно было перевезти школу, в поселке нет. А до ближайшей школы около пятнадцати километров! Это в принципе неудобно, далеко очень. А там еще и грунтовые дороги... Осенью или весной весьма проблематично добираться.

— И что ты предлагаешь?

— Помогите найти деньги для ремонта школы. Хотя бы для самого необходимого! Сам процесс я полностью обеспечу, все проконтролирую. Будут полные отчеты по всем потраченным средствам. Людей я привлеку тех же, что детский дом восстанавливали: они все сделали быстро и добросовестно.

— Смета у тебя уже есть?

- Да, конечно.
- Подходи завтра к десяти в мой офис. Посмотрим, что можно сделать.
- Хорошо. Спасибо вам большое! — обрадовавшись, поблагодарил Иван.
- Пока не за что. До завтра.
- До свидания.

«Спасибо тебе, Господи! Спасибо большое!» — прошептал Иван, трижды перекрестившись.

«Вот тебе и безумец, — сидя за рулем, размышлял Игорь. — Да никакой он, в сущности, и не безумец. Альтруист, каких сегодня мало. Все стремятся наращивать собственный капитал, пекутся лишь о себе, любимых. А этот вот думает о других. Причем о незнакомых, совсем чужих ему людях!.. То детский дом, теперь вот эта школа... Может, и еще что есть. И ведь она не первый год разваливается! Все это видят, и всем плевать. А этот взялся, будто ему больше других надо!.. И ведь будет кипятииться, тратить уйму времени, сил. А потом тихо ото всех скроется, отдав лавры в лучшем случае тем, кто просто поддержал деньгами. И бывают же такие люди!.. Есть в нем что-то такое, что притягивает, побуждает оказывать поддержку. Ничего ведь особенного он не сказал, а я уже знаю, что дам деньги. И других спонсоров, если нужно будет, привлеку. Другим таким же отказывал, а вот этому помогу. Почему именно ему? А не знаю. Само как-то вышло. Эх, жалко, что Юрка уже уехал! Устроил бы ему завтра интервью с „безумцем“. Хотя нет, не стоит. Юрка бы потом все опошил в своей желтой газетке. Нельзя. Да-а, ну и денек сегодня!..»

А Иван в это время вновь не спеша шел по городу. Ему совсем не хотелось возвращаться в пустой и оттого совсем неуютный дом. День клонился к закату. Весеннее солнце, уже частично скрывшись за многоэтажными постройками, окутало все мягким, каким-то загадочным, ало-розовым светом. Тени, в полдень совсем ужавшиеся, теперь причудливо вытянулись. И было так тихо и спокойно. Иван, как в детстве, любовался красками догорающего дня и незаметно для себя самого улыбался. Его улыбка, как у ребенка, была светлой и такой искренней!

Выйдя к собору, Иван остановился, и в этот миг торжественно начали звонить колокола! А позолоченные купола так и сияли в лучах заходящего солнца, переливаясь всевозможными цветами и оттенками. С душевным трепетом смотря на них, слушая колокольный звон, Иван стал размеренно креститься и шептать «Отче наш». Он вдруг всей душой почувствовал, что находится в начале столь желанных и долгожданных перемен в его жизни.

— Господи, Иисусе, спасибо тебе огромное! — с горячей радостью прошептал Иван. — Если у нас с Викой все сложится, мы ведь и Варю из детдома сможем забрать! Спасибо тебе, Боженька, спасибо!!!

НЕПОНЯТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

1.

В небольшой, аккуратно убранной комнате, окутанной ночным полумраком, царили тишина и покой. На стене, оклеенной недорогими, но чистенькими обоями, успокаивающе тикали старинные часы с кукушкой, доставшиеся их нынешней хозяйке еще от ее бабушки. Под часами, вальяжно развалившись на журнальном столике, мирно спала серо-рыжая кошка Мурка. В противоположном конце комнаты на высокой, железной кровати с пружинами столь же безмятежно спала и ее хозяйка — пожилая, немного полноватая женщина. Она изредка похрапывала и, казалось,

слегка всхлипывала во сне. По спинке кровати со всевозможными предосторожностями не спеша передвигалась сороконожка.

К слову сказать, насекомое с очень любопытным названием, так как ног у него на самом деле значительно меньше, нежели упоминается в имени. А в дословном переводе с английского оно и вовсе звучит как стоножка, что еще меньше соответствует истине. Ну да оставим это на совести зоологов... Им, как говорится, виднее.

В общем, в маленькой, уютной спальне властвовала настоящая идиллия, которой, к сожалению, не суждено было продержаться и до середины ночи. Без пяти минут двенадцать комната внезапно озарилась ярким светом автомобильных фар. Первой на это отреагировала Мурка. Резко вскочив на лапы и тряхнув головой, она пересекла комнату и запрыгнула на кровать. Ею тут же была обнаружена сороконожка, мгновенно получившая смертельный удар когтистой лапой. Бесчувственное насекомое с легким стуком упало на пол. А вскоре заворочалась и Марфа Петровна.

Открыв глаза, женщина какое-то время молча озиралась по сторонам, не понимая спросонку, что же происходит. Затем, громко зевая, она села на кровати и посмотрела на часы, прекрасно освещенные светом фар.

— Мурка, ты чего хулиганишь? — обратилась Марфа Петровна к своей любимице. — Ночь ведь еще — кушать рано!..

Кошка тут же запрыгнула на колени и, удобно улегшись, довольно замурчала. Вновь зевая, Марфа Петровна слегка погладила ее по мягкой холке.

— Ой, это не Сашка приехал? — наконец-то обратив внимание на свет за окном, спохватилась женщина. — Подожди, Мурка, посиди чуток.

Оттолкнув кошку, она резво вскочила с кровати и, не одеваясь, бросилась в коридор. Мурка, недовольно фыркнув, важно последовала за своей хозяйкой.

Выйдя на порог и включив свет, Марфа Петровна, временами все еще зевая, внимательно прислушалась. К ней тут же подбежал и стал ластиться косматый черный пес.

— Полкан, иди на место, — строго приказала женщина и, опустившись на нижнюю ступеньку, громко окликнула:

— Саша, ты?

Ответом ей было лишь монотонное стрекотание сверчков да далекий лай чьей-то собаки. Глухо зарывав в ответ, пару раз гавкнул и Полкан.

— Фу!.. Иди на место, кому сказала!.. — грозно прикрикнула на него женщина.

За воротами внезапно ослаб свет фар. Спустя мгновение завелся двигатель. Резко сорвавшись с места, машина выехала на дорогу и умчалась прочь.

— И что это за обормоты носятся по ночам!.. — недовольно произнесла Марфа Петровна.

Еще немного постояв на пороге, она закрыла дверь, погасила свет и вновь вернулась в спальню.

— Думала, Сашка наконец-то приехал, а это какой-то придурок с ума сходит. Напилсь небось и теперь летает среди ночи по поселку...

Перекрестившись на икону Богородицы, висевшую у изголовья кровати, Марфа Петровна прилегла на постель. К ней сразу же запрыгнула Мурка.

— Ложись... Ложись... Будем досыпать, — глядя кошку, тихо произнесла женщина.

2.

На следующее утро весь поселок был взбудоражен неожиданной новостью: в лесу обнаружена кем-то брошенная белая иномарка. Машину нашли дети. Играя, они выбежали на поляну, где и заметили покинутую легковушку. Уже через час об этой на-

ходке знал весь поселок, по которому сразу же поползли самые разные слухи. Особо рьяно придумывали различные версии старики.

Побросав свои дела и собравшись у одного из дворов, они бурно обсуждали случившееся.

— Это точно какие-то наркоманы, — выдвинула свою версию высокая худощавая баба Дина. — Из города приехали. Накурились, угнали машину и явились вот. У меня внучка в городе часто ведь бывает, так она таких страстей повидала!.. Вот и до нас, проклятые, добрались!.. Детишек надо прятать, в лес самих не пускать. Кто же знает, что этим наркоманам в голову втемяшится. Поймает ребенка, уколёт какой-нибудь дрянью, а потом что с ним делать?..

— Это верно, — поддержала ее совершенно седая и сильно скрючившаяся баба Соня. Голос у нее был тоненький и оттого слегка противный. Но женщина она была очень добрая, и за это в поселке ее многие любили и уважали. — Или наркоманы, или алкаши какие...

— Да не, — возразила Марфа Петровна, поправляя на голове беленький, тщательно выстиранный платочек, — это не алкаши. Они себя так не ведут. Возьми вон нашего Ваську: выпить еще как любит, но машины не угоняет!.. Или песни поет, или упадет где-нибудь да спит себе. Совсем другое дело!

— Ну, нет уж! Нашла, кого в пример ставить, — перебила ее баба Дина. — Ты, Марфа Петровна, хоть и старшая среди нас, и самая мудрая, но я с тобой совсем не согласна. Алкаши, они бывают разные! Как вполне мирные, так и буйные, опасные для общества. Да и нельзя Ваське сильно уж дебоширить! Участковый все же... Хотя какой с него, с алкоголика, милиционер? Так... одно название!

— А где он сейчас? — постукивая палочкой, спросил дед Борис, все это время помалкивающий.

— Да кто ж его знает? Спит небось, — ответила баба Дина. — Вчера ведь зарплата у них была, так Васька и наклюкался с радости. Верка-то весь вечер по селу бегала, муженька своего искала. Ты разве не слышал? И что она в нем только нашла? Не понимаю. Такая ж ведь умная, образованная баба, а связалась с этим... Милиционер! Участковый!.. Нашла дуреха, чем гордиться! За ней полпоселка бегало, а она в этого охламона вцепилась. Вот теперь и мается с ним...

Они замолчали.

Со стороны леса, где на лужайке односельчане обычно пасли скотину, донеслось протяжное коровье мычание. У кого-то из соседей запел петух. Ему вялым лаем ответила лежавшая в траве собачонка.

— А я ведь их видела, — возобновляя разговор, произнесла Марфа Петровна.

— Кого? — не поняла баба Соня.

— Ну, этих... Наркоманов.

— Как?! Видела? Когда? — мгновенно оживляясь, воскликнула баба Дина. — Видела и молчишь?! А ну давай рассказывай!

— Да что рассказывать? Ночью это было. Я уже спала. Они по деревне носились-носились, а потом ко двору подъехали и давай мне в окна светить... Я спросонок подумала, что Сашка мой приехал. На порог вышла, окликнула. А они как газанули!.. Чуть вишенку мне не сломали. И умчались...

— Ты и за двор выходила? — восхищенно уточнила баба Дина. — Сколько ж их там было?

— Да никуда я не выходила, — досадливо отмахнулась Марфа Петровна. — Дурная, что ли?! Ночь ведь кругом была...

— Ну и правильно сделала, что не вышла, — поддержала ее София. — От греха подальше. А то Бог его знает, что у них там в голове...

— Сбросить бы пару десятков годочков, — мечтательно произнес дед Борис, — я бы тогда быстро вывел их на чистую воду. А так...

— Ишь, чего захотел! — засмеялась баба Дина. — Мы бы тоже не отказались! Да, Марфа Петровна? — ткнула она ту пальцем в бок. — А то и все сорок, чтобы сразу в девки, снова на танцы да на сеновал с красивым хлопчиком!.. Увлёк бы меня, а, Бориска?

— Да ну тебя, — сплюнул дед Борис и, развернувшись, пошел, постукивая палочкой, к своему двору.

Увлеченная беседа пожилых людей нередко вызывает искреннюю улыбку. Немало повидав на своем веку, они, словно малые дети, подкрепляют собственное мнение до смешного наивными аргументами. Но делают это с какой-то особой, лишь им присущей невинностью. В умудренных временах устах вновь звучит святая простота.

3.

Демьян стоял, опершись спиной о ствол березы, росшей невдалеке от берега местной речки, и смотрел на восток, где из-за леса медленно поднималось солнце. На вид ему было лет двадцать семь—двадцать восемь. Он был высокого роста и спортивного телосложения, с явно накачанной мускулатурой. На загоревшем лице поочередно сменялись выражения грусти, задумчивости и тревоги. Он, словно готовясь к отражению внезапного нападения, то напрягал мышцы, то расслаблял их, глубоко вдыхая свежий утренний воздух.

Откуда-то с севера налетел небольшой ветерок. Прошелестев в кронах деревьев, он сорвал и бросил на землю несколько листьев. Со стороны реки донесся едва уловимый всплеск воды, вероятно, вынырнула и вновь скрылась под водной гладью какая-то рыбешка. Снова наступила тишина.

Кружащий в воздухе листок во многом напоминает человеческую жизнь. Едва достигнув совершеннолетия, вчерашний ребенок так же стремится оторваться от родового дерева. Подхваченный могучим потоком суеты, он бесследно теряется в жизненной круговерти. И уже никогда не находит дороги домой.

Демьян вдруг встрепенулся. Отслонившись от березы, решительно сделал несколько шагов вперед. Размяв мышцы парой несложных упражнений, он вынул из мастерки складной нож и быстро пошел к опушке леса.

Сломав несколько длинных и прочных ветвей, он тщательно заострил их концы. Затем нарезал несколько десятков более тонких веток. Собрав в охапку, Демьян отнес их к березе. Присев на корточки, выкопал четыре углубления и вбил в них ветви с заточенными концами. Сдвинув верхушки парных ветвей, он водрузил на них пятую, наиболее длинную ветвь, прочно закрепив ее заранее приготовленной проволокой. Убедившись в стойкости сооруженной конструкции, он тщательно оплел остов будущего шалаша наиболее гибкими прутьями. Затем нарвал травы и застелил ею пол временного жилища.

Отойдя на несколько шагов в сторону, Демьян критическим взглядом осмотрел постройку.

— Прокатит, — тихо произнес он.

Солнце к этому времени уже окончательно вышло из-за леса. Небо было ясное, почти безоблачное. Лишь далеко на юге, медленно удаляясь, уплывало большое, раскидистое облако да с севера два маленьких облачка, попеременно обгоняя друг друга, спешили вслед за ним.

Солнце ощутимо пригревало, день обещал быть жарким. Скинув с себя мастерку и поигрывая ножом, Демьян спустился к водной кромке. С силой метнув нож в по-

трескавшееся бревно, лежавшее вдоль берега, он присел рядом и устремил взгляд на слегка волнующуюся воду, подперев руками голову.

Над головой с криком пронеслась стайка воробьев. Где-то вдалеке проехала машина. Прислушавшись к звуку, Демьян понял, что это какой-то старый грузовик. Вероятно, одна из тех древностей, которых в городах уже давно не осталось, а вот в деревнях и поселках временами еще встречаются.

На противоположный берег выбежала белая собачонка с черными ушами и задорно поднятым хвостом. Увидев сидевшего на бревне Демьяна, она остановилась, внимательно осмотрела незнакомца и огласила округу звонким, залиvistым лаем. Демьян погрозил ей кулаком, но это еще больше раззадорило бойкую собачонку. Тогда он поднял с земли несколько камней и запустил одним из них в нее. Камень, не долетев пары метров, упал в воду. Собачонка взвизгнула и слегка отскочила назад.

Вновь окинув взглядом странного незнакомца, она мотнула головой, дважды громко гавкнула и, круто развернувшись, скрылась за деревьями.

Слабая улыбка пробежала по лицу Демьяна. Взвесив на ладони оставшиеся камни, он бросил их в воду. Следя за разбегающимися по воде кругами, Демьян глубоко вздохнул, медленно провел по лбу тыльной стороной ладони и сплюнул себе под ноги.

4.

К полудню стало совсем жарко. Раздевшись, Демьян бросился в реку. В первые мгновения холодная вода свела мышцы и затруднила дыхание. Демьян глубоко вздохнул и с небольшим усилием резко присел. Затем, слегка подпрыгнув, он скрылся под водой. Вынырнув, Демьян расслабил мышцы и улыбнулся.

— Крепка закалка, не подводит, — довольным голосом произнес он.

Проплыв до середины реки, Демьян лег на спину, прикрыл глаза и отдался течению. Его медленно несло к северу. То с одной, то с другой стороны временами слышался плеск воды. Где-то совсем рядом кружила назойливая муха. На лазурно-голубом небе снисходительно улыбалось солнце.

— Красота-а!.. — негромко протянул Демьян. — Как в счастливом, беззаботном детстве.

Выйдя на берег, Демьян, слегка ежась, подставил мокрое тело под ласково-теплые лучи полуденного солнца. Обсохнув и немного понежившись, он резко напрягся и, играя мышцами, сделал пару выпадов в сторону предполагаемого противника. Затем, подняв с земли увесистую палку, вернулся к облюбованному им бревну. Вынув из него нож, Демьян быстрыми, уверенными движениями тщательно очистил палку от коры. Покрутив ее в руках, он аккуратно вырезал четыре ровные буквы, сложившиеся в нежное женское имя Варя. Но вздохнув, переломил палку напополам и бросил обе ее части в реку.

— Нельзя, — сухо приказал он самому себе и с силой вогнал нож в бревно.

В какой-то момент Демьяну показалось, будто за ним следят. Оглядевшись по сторонам и не обнаружив ничего подозрительного, он постарался отогнать от себя эти мысли. Присев у шалаша, Демьян устремил взгляд на ровную водную гладь и, казалось, о чем-то глубоко задумался. Но ощущение слезки не покидало его. Он будто бы кожей спины чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Это заметно нервировало Демьяна, выводило его из себя.

— Бред!.. — процедил он сквозь зубы и забрался в шалаш.

Ощущения не обманывали Демьяна. За ним действительно следили. Уже около полудня, затаившись в лесной чаще, с него не спускали глаз два мальчика и одна девочка.

— И все-таки он бандит! — сказал один из мальчиков.

— А я говорю — спецназовец, — возразил второй.
 — Бандит, вылитый бандит... Я в кино таких же видел. У них на морде все написано!
 — Ага! В кино тебе все, че хочешь, покажут. Нашел пример!
 — Да? А чего ж он, если не бандит, тут прячется? Видел, как зыркал по сторонам?!
 — Ну и что? Мало ли... Может, у него задание какое... Видел, какой накачанный?
 И приемы всякие знает. Как спецназовец... Я в книжках про таких читал.
 — В кино брешут, а в книжках твоих, значит, правду пишут?
 — Да что ты вообще понимаешь?! Малявка! Я на целых два года тебя старше!
 — А вот полезли к шалашу, и посмотрим. Если бандит, у него должно быть оружие.
 Ползешь со мной?
 — Ага, чтоб он стрелять начал?!
 — Испугался!.. Поверил, значит, в мою версию.
 — И ничего я не поверил. У спецназовцев тоже оружие есть...
 — Мальчики, тише, — вмешалась молчавшая все это время девочка. — Вы так орете, что он вас и в шалаше услышит. И вообще... надо идти в деревню, рассказать все взрослым.
 Она слегка привстала и, прячась за деревьями, стала осторожно пятиться назад, не сводя при этом глаз с шалаша.
 — Трусиха, — презрительно бросил ей вслед первый мальчик. — Только корчишь из себя умную и смелую, а сама такая же, как и все девчонки.
 — Это точно, — согласился с ним второй мальчик, медленно отползая назад.
 Первый еще раз взглянул на шалаш, сплюнул и, пробурчав что-то невнятное себе под нос, последовал его примеру.

5.

С шумом распахнув калитку, Петр быстро пересек двор и едва не вбежал в сарай. С покатога лба по покрасневшемуся лицу тонкими струйками бежал пот. Слегка седеющие волосы были взъерошены.

Он глубоко и часто задышал, рванул дрожавшей рукой на себе рубаху, которая громко затрещала. На пол покатились несколько пуговиц. Петр схватил с полки топор, круто развернулся и направился к выходу. С огорода к нему уже во всю прыть бежала жена.

— Ты чего это удумал? — на бегу кричала она. — Зачем топор схватил?
 — А ты ничего не слышала? Ну да, куда ж тебе!.. Зарылась в своих огурцах с помидорами... Голову в земле, как тот страус, спрятала и знай себе сидишь, копаешься... Копуня!..
 — Ради тебя же, дармоеда несчастного, рук не покладаю, — переводя дыхание, возразила ему женщина. А ты все пьешь, не просыхая, да шляешься где ни попадя!.. Где всю ночь был? Какой корове на сей раз бока грел? Зенки продрать не успел — и уже налился. Аж сюда несет! Стоять рядом невозможно!
 — Что ты несешь, Настя?! — заорал на нее Петр. — Какая корова? Дура!..
 — Сам дурак! — окончательно срываясь на крик, парировала Анастасия. — Алкаш несчастный!.. Ты зачем топор схватил, я тебя спрашиваю?
 — Зачем, зачем, — передразнил ее Петр. — Бандита пойду порешу.
 — Какого еще бандита?
 — У-у, сразу видно: огородница темная, дальше собственного носа ничего не замечает!.. Того бандита, что на речке засел. Дети вон прибежали, говорят, прячется он там. С ножом...

— Да ты совсем ум пропил! — всплеснула руками Анастасия. — Что ты несешь? Рубить он собрался... Ты обо мне, о детях подумал? А если уж на нас наплевать, так хоть о себе подумай! Мало тебе оказалось, еще за решетку хочешь?.. Мне жизнь поломал, себе жизнь поломал, так теперь и детям поломать хочешь?..

— Да я о них только и думаю, дура! Защитить хочу. Ты знаешь, что на уме у этого пришлого? Чего он тут нарисовался? Чего прячется? Сидит вон с ножом в лесу!

— Защитить он хочет, — не унималась Анастасия. — Защитник выискался!.. Вы посмотрите на него!.. Сам на ногах еле стоит, самогоном за версту прет, а он туда же. В защитники поиграть вздумал... А ну брось топор, я сказала, и иди проспись! Защитник чертов!

— Да пошла ты!.. — в сердцах крикнул Петр и с размаху всадил топор в росшую неподалеку сливу.

Круто развернувшись, он быстро зашагал к дому. Спустя минуту грохнула входная дверь.

— Придурок!.. — бросила ему вслед Анастасия, с трудом выдергивая топор из ствола дерева. — Псих припадочный!..

6.

Лежа на кровати, подложив под голову руки, Петр смотрел через окно на медленно проплывавшие по светло-синему небу то грязно-серые, то белоснежные облака и думал о собственной жизни. Он уже давно успокоился, от недавней агрессивности не осталось и следа. Сейчас ему скорее хотелось спать, нежели куда-то бежать и с кем-то драться. Да еще обида на злую долю, подогреваемая нахлынувшими вдруг воспоминаниями, медленно наполняла душу.

В тот день был Витькин юбилей — двадцать лет. Посидев у него дома, отметив, они медленно шли по поселку, разговаривая обо всем, что только приходило в хмельные головы, травили анекдоты и беззаботно смеялись. Их было шестеро молодых, здоровых парней: Витька, Макс, Егор, Жека, Валерка и он, Петька, которому всего через месяц должен был исполниться двадцать один год.

Когда их нетрезвая компания поравнялась с домом, в котором жила Настя, Витька вдруг остановился. Указывая пальцем в сторону калитки, он произнес слегка заикающимся голосом:

— А здесь живет наша красавица!.. Настена!..

Парни одобрительно засмеялись. Улыбнулся и Петр, которому уже тогда девушка очень нравилась.

— И она, — пьяно ухмыляясь, продолжал Витька, — как и все красавицы, вертихвостка!

При этих словах Петр перестал улыбаться и напрягся. Но перемен, произошедших на его лице, никто не заметил.

— С чего ты взял? — спросил у Витьки Макс, его троюродный брат и лучший друг по совместительству.

— Не дала, да, Витёк? — предположил слегка веснушчатый Егор.

Петр сжал кулаки и больно прикусил губу.

— Брось, Витёк, она тебе не пара, — сказал Жека, по привычке шуря левый глаз. Короля достойна только королева!..

Парни дружно загоготали. Не разделил их веселья один лишь Петр, продолжавший крепко сжимать кулаки. Но этого вновь никто не заметил.

— Я не люблю ветреных красавиц, — отсмеявшись, заявил Виктор.

— Откуда знаешь, что Настасья ветреная? — спросил Максим.

— Видел... Своими глазами видел!..

Петр побледнел. Его лоб покрылся холодной испариной, а на прикушенной губе выступила капелька крови.

— И что же ты видел? — загораясь живым любопытством, поинтересовался Егор. На его раскрасневшемся лице ярко обозначились веснушки.

— Расскажи, — тоненьким голосом попросил низкорослый Валерка.

— Видел, говорю, как она хвостом крутила... Неоднократно видел. То с Васькой в кино ходила да на последнем ряду с ним сидела. А там, сами знаете, чем занимаются... Он пьяно хихикнул. — А то вон с Колькой-ловеласом к сеновалу бегала... Звездочки, наверное, считать! — и он захохотал.

— Врешь, гад! — сквозь зубы процедил Петр, делая шаг вперед.

— А так как у меня сегодня день рождения, — не расслышав зловещих слов друга, продолжил Виктор, — я хочу, чтобы она всем нам сделала подарок!.. Пускай станцует в голом виде, а затем подарит всем ночь любви!..

Он хотел еще что-то добавить, но неожиданный удар в челюсть заставил его замолчать. Петр был не в силах более себя сдерживать. Закипая от гнева, он наносил удар за ударом. Его мощные кулаки обрушивались на голову опешившего Витьки, заставляя ту болтаться в разные стороны. Когда Виктор попытался закрыть лицо рукою, Петр резко вывернул ее, впервые вынудив друга вскрикнуть, и, сделав подножку, повалил его на землю. Затем, обезумев от ярости, щедро сдобренной алкоголем, Петр стал избивать ногами поверженного Виктора. Он бил молча, не проронив ни единого слова. Лишь шумно и учащенно дышал.

Первым пришел в себя Максим. Набросившись сзади на Петра, он попытался оттащить его от брата. Затем к нему на помощь пришли Егор с Евгением. Втроем они с трудом оттащили взбешенного Петра от окровавленного Виктора. Петр не зря считался самым сильным парнем на деревне. Поладить с ним порою было сложнее, чем с быком. Да и нрав у него был схожий с бычьим: такой же горячий, упрямый, готовый слепо идти напролом.

Виктору пришлось вызывать «скорую». У него были сломана челюсть, вывернута рука, наколоты два ребра. И это не считая многочисленных ссадин и ушибов!

На Петра завели уголовное дело. У родителей Виктора оказался в городе друг — подполковник областной прокуратуры, который принял активное участие в следственном процессе. Суд признал Петра виновным в преднамеренном нанесении серьезных телесных повреждений, приговорив его к трем годам лишения свободы.

— За тебя ведь, дуреху, заступился, а ты меня попрекаешь, — тихо произнес Петр. — Неужели так и не знаешь о причине той драки? Ладно, я тогда не стал тебе говорить, но люди-то, поди, болтали?!.

7.

— Денис, сходишь со мной на речку? — беря ведро, спросила Катя.

— Сама боишься, что ли? — выпуская кольца дыма, насмешливо любопытствовал парень.

— Темно уже, — уклончиво ответила девушка.

— Ладно, помни мою доброту, — нехотя вставая с порога, произнес Денис. Он еще раз затянулся и выбросил окурок в палисадник. — Пошли.

— Там же мамины розы!.. Она ведь просила!.. — возмутилась Катя.

— Ой, я забыл, — отмахнулся Денис. — Но он уже потух. Пошли.

Демьян сидел у костра, разведенного в нескольких шагах от водной кромки, и, наблюдая за ветвями, жадно поглощаемыми ненасытными языками пламени, о чем-то размышлял. В траве вело бесконечные беседы многочисленное семейство цикад. Как-то рыбка временами плескалась в воде. На безоблачном небе, густо усеянном мириадами звезд, стояла полная луна.

Одинокая луна, окруженная неисчислимой ратью звезд, и одинокий человек, скитающийся в окрестностях многолюдных поселений. В эти минуты между ними было так много общего!..

Услышав чьи-то шаги, доносившиеся со стороны леса, Демьян встрепенулся. Резко встав, он быстро, но практически бесшумно скрылся в тени.

— Где-то тут, говорят, скрывается беглый преступник, — выходя из лесных зарослей, тихо произнесла Катя. — Ой, а вон и костер!.. Слушай, я боюсь...

Девушка остановилась.

— Дуреха, — засмеялся Денис. — Эй, ээка, ты где? — нарочито громко крикнул он. — Выходи, не дрейфь! Солдат ребенка не обидит!

Демьян сжал зубы, но не пошевелился. Он стоял всего в пяти-семи метрах от Дениса с Катей. Густая тень раскидистого дуба надежно скрывала его от посторонних глаз.

— Смотри, шалаш, — прошептала девушка. — Пойдем отсюда, мне страшно...

— Ну что, ээка, ты думаешь вылезать? — подходя к костру, вновь крикнул Денис. — Ты посмотри, какие пугливые ээки пошли! Воровать, поди, не боялся, а? Или ты мокрушник?

Он разбросал ногами догоравший костер и, ехидно улыбаясь, вразвалку подошел к шалашу.

— Какой симпатичный домик!.. И кто же это его построил? Ой, поломался, — засмеялся Денис, с силой надавливая на перекладину, отчего та прогнулась вовнутрь и сухо треснула.

Бесшумная тень метнулась слева от Дениса. Испуганно вскрикнула Катя. Мощный удар в плечо отбросил парня от поруганного им жилища. Обернувшись, он получил не менее сильный удар в грудь. Дыхание сбилось, Денис захрипел. Слегка пятясь, он попытался нанести ответ, но его рука была ловко перехвачена и резко вывернута назад. Противно хрустнул сустав, и локтевую часть пронзила острая боль. Денис взвыл. Удар в лицо, затем еще один в грудь. Земля ушла из-под ног, и он с шумом упал в реку...

У Кати от охватившего ее ужаса онемели руки и ноги. Выронив ведро, она широко раскрытыми глазами смотрела на приближавшегося к ней человека. Сил не хватало даже для того, чтобы закричать. В ушах бешено молотило сердце, а со лба стекала струйка холодного пота.

Подойдя к девушке, Демьян молча нагнулся и поднял с земли ведро. Ничего не говоря, он сходил к реке и набрал воды. Вновь вернувшись к девушке, поставил оба ведра у ее ног. Осторожно проведя рукой по Катиным волосам, Демьян улыбнулся.

— Не бойся, я тебя не трону, — тихо произнес он. — Забирай своего парня и иди с миром...

Круто развернувшись, Демьян почти беззвучно скрылся за ближайшим деревом.

Кряхтя и охая, из воды вылез Денис. Сделав несколько шагов, он опустился на траву.

— Как ты? — подходя к нему, участливо поинтересовалась Катя.

— Живой, — раздраженно бросил Денис. — Где этот?..

— Ушел, — опускаясь рядом с ним, ответила девушка. — Я же говорила, пойдем отсюда!.. — всхлипнула она.

— Заткнись ты!.. — рявкнул Денис. — Без твоих соплей тошно. Мне этот ээка еще ответит! Из-под земли гада достану!

8.

Ночь выдалась хотя и ясной, но довольно прохладной. Вероятно, где-то недалеко прошел циклон, отчасти затронув и здешние места.

Трава к утру покрылась обильной росой. С реки тянуло неприветливой сыростью. Солнце, скрывшись за густым скоплением мрачно-серых облаков, не спешило выходить из своего укрытия. С севера-запада дул легкий, но довольно настойчивый ветерок.

Погода хорошо гармонировала с настроением Демьяна, которое было таким же серым, мрачным и неприветливым.

Из головы никак не шли события прошлого вечера. Демьян корил себя за проявленную несдержанность, грозившую существенно осложнить его пребывание в здешних краях, побудив к немедленному принятию сразу нескольких решений. Ему так бы хотелось оттянуть это мгновение на максимально поздний срок. Но при всем этом Демьян понимал, что иначе просто не смог бы поступить. Не отреагировать — значит проявить малодушие. К тому же не факт, что не отреагирует он на явную провокацию, молча позволив разрушить свое временное жилище, положение Демьяна осталось бы прежним. А вот уважать себя он точно перестал бы. И укоряя себя за несдержанность, Демьян прекрасно понимал все это.

— Поступил, и basta... Все к лучшему... К трудностям не привыкать...

Сбросив с озябшего тела сырую от росы мастерку, он рьяно взялся за физические упражнения привычной для него зарядки.

Откуда-то из леса донесся перестук сразу нескольких дятлов, которые, словно по команде, обрушили на деревья свинцово-черные клювы. И на их фоне пару раз подали голос серая кукушка, привычно оглашая оставшиеся годы чьей-то жизни. Демьян улыбнулся.

Окончив зарядку, он развел костер и стал готовить завтрак. Пока на огне закипала вода, набранная в небольшое железное ведро, вчера случайно найденное в лесу, Демьян занялся осмотром поврежденного шалаша. На глаза попался мобильный телефон, вероятно выпавший из кармана мастерки и теперь лежавший у входа.

— Как это я не раздавил его?..

Взяв телефон в руки, Демьян долго смотрел на погасший экран. Указательный палец то и дело ложился на кнопку загрузки, но Демьян всякий раз отдергивал его.

— Нельзя, — хриплым голосом негромко произнес он. — Просекут...

Демьян глубоко вздохнул и с тоской осмотрелся по сторонам.

— А вот машину надо пригнать сюда, пригодится...

На небе впервые за все утро появилось солнце. Казалось, Господь таким образом давал понять, что решение, принятое Демьяном, верное.

В ведре наконец-то закипела вода. Демьян убрал телефон и вернулся к костру.

9.

Покончив с домашними делами, дед Борис вынес за двор пару лавочек и, медленно потягивая из эмалированной кружки прохладный квас, стал ждать своих всегдашних собеседниц. Ожидание, впрочем, продлилось недолго. Уже минут через пятнадцать к нему подошла баба Соня. Покряхтывая, она опустилась на свободную лавочку.

— Ох, старость!.. — поправляя волосы, посетовала женщина. — Совсем я развалиной становлюсь...

— Никто не молодеет, — ставя рядом с собой пустую кружку, философски заметил дед Борис. Он довольно крякнул и отер мокрые губы тыльной стороной ладони.

- Это точно, — вздохнув, согласилась с ним баба Соня. — Какие новости?
- Да какие... Слыхала вон, что чужак Дениса нашего избил?
- Да ты что?! Когда же это?
- Вчерашним вечером. Поговаривают, будто чуть в реке не утопил. А Катьку не тронул. Даже воды ей принес.
- Кошмар!.. И куда же Васька наш смотрит?
- А я почему знаю? Мне он не докладывается.
- Вот пьянь несчастная! — с негодованием сплонула София. — Так и весь поселок перебьет, а он все спать будет!..
- Вы о ком это? — подходя к ним, поинтересовалась Марфа Петровна.
- Да все об этом наркомане, будь он неладен. Слыхала? Уже наших ребят калечит!
- Это кого же?
- Дениску Татьяниного.
- Да ты что?! И сильно?
- Не знаю. Боря вон рассказывает...
- Борис, ну-ка, что там случилось? — присаживаясь с ним рядом, поинтересовалась Марфа Петровна.
- Рассказывают, Денис провожал Катерину, — приосанившись, важно начал дед Борис.
- Это какую же? — перебила его Марфа Петровна. — Соколову, что ли?
- Ее самую.
- Хорошая девочка, воспитанная. Не то что этот обормот!.. Ну-ну, и что дальше?
- А дальше напал он на них. Денис-то вступился за подругу, да куда ему!.. Слаб дюже. Чужак его в два счета поломал и в реку выбросил.
- Страсти-то какие!.. Но он хоть жив?
- Живой!.. Эх, был бы я помоложе!.. Только и могу вот, что с посохом своим воевать... — Дед Борис с чувством постучал палкой о землю.
- Старость — не радость, что поделаешь, — сочувственно отозвалась баба Соня. — Хорошо еще, что не лежим бревнами в кроватях...
- А я слышала, машина куда-то делась, — сказала Марфа Петровна.
- Говорят, — подтвердил дед Борис.
- Ты погляди на них! — выходя из двора напротив, на всю улицу воскликнула баба Дина. — Прямо голубки! Петровна, ты чего это у меня кавалера отбиваешь?
- Да ну тебя, — вскакивая с лавочки, ответила Марфа Петровна.
- Дед Борис досадливо поморщился.
- Ой, бабенки, чего я сейчас видела! — резво пересекая дорогу, продолжила баба Дина. — По телевизору показывали, на Первом канале. Передача, значит, про этих, как бишь там? Рэкетиров, вот! Еще мальчишками в девяностые годы они объединялись в группировки и силой отнимали деньги у честных предпринимателей. Рестораны, магазины, рынки — все было под их контролем. Даже певцы и те после каждого концерта дань платили. А эти мальчишки — все такие накачанные, с золотыми цепями, на дорогих машинах. Те, кого свои же не убили, потом стали депутатами и олигархами, уважаемыми людьми! Воно как бывает...
- Тю! Ты будто вчера родилась и ничего этого раньше не знала, — отозвалась баба Соня.
- Все я знала, — отмахнулась баба Дина. — Просто тут так подробно рассказывали, что у меня аж мурашки по спине побежали. А какие страшные пытки они друг другу устраивали! Ужас!.. Хуже фашистов. Эдак посмотришь и потом всю ночь спать не будешь. Звери, а не люди. И ведь наши, русские!.. Вот и этот, пришлый, помяните мое слово, тоже из них!..

- Очень может быть, — задумчиво произнес дед Борис.
  - Жить страшно, — тихо обронила баба Соня.
- Они замолчали.

10.

Демьян сидел на берегу реки и вдохновенно писал что-то в слегка потрепанном блокноте. Редкие порывы ветра трепали пряди его волос, временами небрежно спадавшие на вспотевший лоб. У ног негромко плескалась вода. За спиной стояла белая «тойота», недавно пригнанная им из леса. Вздохнув, Демьян вырвал исписанные листки и, чиркнув зажигалкой, сжег их. Очередной порыв ветра мгновенно подхватил пепел и, закружив, унес его прочь. Важное признание, запечатленное на бумаге на столь короткое время, бесследно кануло в Лету.

Повсюду, переливаясь оранжево-альными красками, грандиозно пылал закат. Еще один день стремительно догорал в бескрайнем небесном костре. Демьян сидел неподвижно, подперев руками голову, и невидящим взглядом смотрел вдаль. Наконец он очнулся. Резко поднялся, достал из машины мастерку с явно отвисавшим карманом и, одевшись, неспешно пошел в сторону поселка.

На краю ближайшей улицы Демьян неожиданно наткнулся на кучку парней и девушек, сидевших у покосившейся изгороди заброшенного дома. Среди них были и Денис с Катей. Едва Демьян показался на дороге, как Денис, сказав что-то сидевшим рядом парням, быстро поднялся и пошел ему навстречу. Четверо парней последовали его примеру.

- Эй, вы куда? — окликнула их Катя.
- Надо, — небрежно отмахнулся Денис.

Вместе с двумя приятелями Денис преградил Демьяну путь. Еще двое парней зашли сзади.

- Ну че, залетный, погутаим? — принимая грозный вид, спросил Денис.
- А есть о чем? — остановившись, спокойно поинтересовался Демьян.
- А ты типа не в курсах?
- Если бы знал, не спрашивал. Это ведь очевидно, нет?
- Умный, да? — делая шаг вперед, сквозь зубы процедил Денис.

Остальные парни последовали его примеру, окружив Демьяна плотным кольцом. От изгороди, заинтересовавшись происходящим, подошло еще несколько человек.

- Послушай, дай пройти, — все еще миролюбивым тоном попросил Демьян.
- Че, очко заиграло? — ехидно ухмыляясь, подал голос один из парней.
- Просто не люблю бессмысленных разборок, — ответил ему Демьян.
- Бессмысленная, говоришь, — сжимая кулаки, протянул Денис. — У реки, значит, все было со смыслом?
- Сам ведь прекрасно знаешь, что послужило причиной.
- Да ты, вообще, кто такой?

Денис вплотную приблизился к Демьяну и толкнул его в плечо. Демьян слегка отступил назад и засунул правую руку в карман.

— Врежь ты ему, Дэн! Хватит церемониться, — подзадорил кто-то из группы поддержки.

- Денис, перестань, — попыталась вмешаться Катя.
- Молчи, — грубо осадил он девушку.

— Герой, — усмехнулся Демьян. — Ты бы еще роту солдат привлек. Да зрителей побольше, чтобы лучше засвидетельствовали твой триумф.

— Заткнись, гнида! — вскрикнул взбешенный Денис и бросился на Демьяна. Тот легко увернулся от первых ударов и ловким движением свободной руки перехватил кисть противника. Вторая рука по-прежнему оставалась в кармане.

— Может, все-таки дашь пройти? — спросил Демьян, делая последнюю попытку предотвратить драку.

— Бей! — резко вырвавшись, крикнул Денис.

Демьяна больно ударили сразу с нескольких сторон. Крутнувшись на месте, он отточным движением ноги заехал в живот одному из нападавших и, выхватив из кармана пистолет, выстрелил в воздух. Испуганно вскрикнули девушки. Парни отпрянули назад.

— Пристрелю! — крикнул Демьян и, обращаясь к Денису, спокойно добавил: — Не перестанешь быть шакалом, плохо кончишь.

Отпихнув с дороги растерявшегося Дениса, Демьян, не оборачиваясь, пошел в глубь поселка.

11.

Демьян медленно брел по безлюдным поселковым улицам, рассматривая в большей степени обветшалые строения. Казалось, нищета и отчаяние навечно поселились в здешних краях. Каждый второй забор был либо полусгнившим, либо изрядно перекошенным, с потрескавшейся, местами облупившейся краской. Многие крыши домов перекрыты еще черепицей. На одной из крыш Демьян разглядел резного петушка, знакомого ему лишь по детским книжкам с живописными картинками. Демьян улыбнулся. Несмотря на очевидную бедность и разруху, во всем здесь чувствовалась какая-то особая атмосфера, смутно напоминавшая детскую непосредственность и бабушкино радушие. Успокаивающе действовало полнейшее отсутствие суеты и городского шума. Легко дышалось.

Кругом стремительно темнело. В окнах зажигался свет, а на небе появлялись звезды. Свернув за поворот, Демьян заметил возле одного из домов одинокую фигуру. Подойдя поближе, он рассмотрел в ней пожилую женщину.

Явно нервничая, женщина вдруг засуетилась, намереваясь скрыться во дворе. Демьян ускорил шаг, направляясь к ней.

«Все, — мелькнуло в голове у перепуганной Марфы Петровны. — Сейчас он меня застрелит, душегуб проклятый!..»

— Добрый вечер, — раздался вполне миролюбивый голос.

— Здравствуйте, — едва слышно пролепетала Марфа Петровна.

— Извините, пожалуйста, у вас не найдется немного хлеба? — спросил Демьян. — И может, еще что-нибудь пожевать. Проголодался очень, — он смущенно улыбнулся. — Вы не переживайте, — тут же добавил Демьян, — я заплачу.

— А стрелять в старуху не станешь? — осторожно поинтересовалась Марфа Петровна.

— Да вы что? — засмеялся Демьян. — Нет, конечно!

— Ну, тогда ладно. Пойдем, может, в хату — накормлю тебя по-человечески, — осмелев, вдруг предложила женщина.

— Неудобно как-то, — честно признался Демьян. — Давайте лучше здесь.

— Что же мне — по всей улице с тарелками таскаться?! И как ты стоя есть собираешься? На лошадь ты не больно-то похож... Пойдем. Тоже мне, стеснительный!..

Марфа Петровна бодро засемила к дому. Демьян нехотя последовал за ней.

Окинув беглым взглядом довольно просторный и ухоженный двор, освещенный ярким светом фонаря, Демьян прошел в маленькую, аккуратно убранную прихожую. Марфа Петровна провела нежданного гостя на кухню и усадила за массивный дубо-

вый стол, переживший, вероятно, не одного хозяина. Откуда-то спрыгнула кошка. Недовольно мяукнув, она скрылась в соседней комнате.

— Мурка у меня не шибко гостеприимная, — пояснила Марфа Петровна. — Сейчас-сейчас, я кашу разогрею. Свеженькая, только утром сварила. Гарбузовая. В городе, поди, такую уже давно не признают. И напрасно — очень вкусная и полезная. Сам в том сейчас убедишься. Тепленькая кашка, да с оладушками... Ужин — пальчики оближешь!..

Женщина суетилась, явно испытывая от этого удовольствие. Демьян с теплом в глазах следил за ее движениями.

— Соскучилась я по людям в доме, — ставя на стол тарелку, полную аппетитно пахнущей каши, призналась Марфа Петровна. — Вот как Василь мой помер, так и живу одна уж который год. Мурка да Полкан — вся моя семья. Дочка вышла замуж за итальянца, живет с ним в Милане. Сын работает в МЧС. Живет, ясное дело, в городе. Что ему тут делать? Приедет раз в год, погостит пару денечков — и назад. Все к себе меня кличет. А куда же я поеду? Тут родилась, тут вся жизнь моя прошла... Немецкую оккупацию и ту в поселке переждала, никуда не уезжала. Здесь у меня и родители похованы, и Василь мой здесь же лежит. Вот и мне оставшиеся годики тут доживать надобно, чтоб в землицу родимую, поближе к своим потом лечь. Я так сужу: где Господь тебя поселил, там и надлежит жить, сколько Богом отмерено!.. Ну да что-то я не о том, поди, балакаю. Ты не сердчай уж на старую!..

— Да ничего страшного, — с пониманием откликнулся Демьян.

— Мы, старики, все об этом думки думаем. Доживешь вот, даст Бог, до таких лет, поди, сам поймешь. Сейчас-то у тебя, должно, иные заботы. Чем ты вообще промышляешь? Издалека откуда приехал?

— Да так, — уклончиво ответил Демьян. — Когда чем придется. Спасибо вам большое за такой вкусный ужин! И правда, давно не ел ничего подобного. Будто в далеком детстве побывал!..

— То-то же! — улыбнулась довольная Марфа Петровна. — Наши деды знали толк в еде!..

Демьян положил на стол пятисотенную купюру.

— Вот, возьмите, пожалуйста.

— Ты чего это удумал? — возмутилась женщина. — Немедленно забери назад! — потребовала она.

— Нет, — решительно ответил Демьян. — Вы меня от души накормили, и я вас так же искренне хочу отблагодарить.

Он встал из-за стола.

— Пойдемте, проводите меня.

Когда они вышли во двор, из будки, залиvisto лая, выскочил Полкан.

— Ты посмотри на этого сторожа, — рассмеялась Марфа Петровна. — Проспал все, а теперь шумит!..

У калитки Марфа Петровна вновь попыталась расспросить Демьяна, но он вежливо распрощался и, пожелав спокойной ночи, скрылся в темноте.

— Ничего не понимаю, — растерянно произнесла Марфа Петровна.

12.

Полуденное солнце неистово пекло. Демьян лежал в тени слегка согбенной ивы, росшей у самой водной кромки, и наблюдал за медленно плывущими облаками. Временами казалось, будто не облака движутся по бескрайним просторам серо-голубого небосвода, а он, Демьян, куда-то медленно плывет. В детстве ему очень нравилось вот

так лежать и подолгу всматриваться в бездонное небо. И сейчас порой казалось, будто не было вовсе последних лет, а он — все такой же Дема, ученик седьмого или восьмого класса, отдыхает на их даче, что вот-вот раздастся мамин оклик, зовущий обедать.

Погрузившись в приятные воспоминания, Демьян не сразу заметил нарастающий гул вертолетного двигателя. Очнувшись, он вскочил и бросился было в лесную чащу, намереваясь там укрыться. Но потом, передумав, остановился.

Из-за горизонта появился серый корпус Ми-8. Сделав пару кругов над рекой, он скрылся за деревьями. Судя по звуку, вертолет пошел на посадку.

Подойдя к шалашу, Демьян отыскал смартфон. Он вновь долго держал его в руках, с тоской всматриваясь в погашенный экран, но так и не решился загрузить устройство.

Вернувшись к реке, Демьян устремил затуманенный взгляд на медленно расходившиеся водные круги. Легкий южный ветер ласково трепал его волосы. В кронах деревьев задорно щебетали птицы.

— Демьяныч! — внезапно раздался за спиной зычный мужской голос.

Вздрогнув от неожиданности, Демьян выхватил из-за пояса пистолет и резко обернулся.

— Саня? — узнав подходившего мужчину, удивился он.

Они обменялись крепкими рукопожатиями.

— Откуда здесь?

— Мать вчера звонила, рассказала о странном чужаке, появившемся в их краях. Я почему-то сразу подумал, что это ты. Когда узнал от нее разные подробности, лишь укрепился в своих догадках. А тут как раз выпало лететь в эту сторону. Я давно обещал матери повидать ее. Вот и решил на обратном пути сделать небольшой крюк: и старушку свою проведать, и на залетную птицу взглянуть.

— Понятно, — сдержанно ответил Демьян, убирая пистолет.

— А ты здесь как оказался? — спросил Александр.

— Случайно.

— Стало быть, не хочешь говорить?

— Нет.

— Ну что же... — Александр вздохнул. — Тебе виднее. Я искренне рад, что ты хотя бы живой. А то, знаешь, по городу разные слухи ходят. Иные тебя уже и похоронить успели.

— Догадываюсь кто, — угрюмо произнес Демьян.

Они помолчали.

— Ладно, брат, пойду я, — сказал Александр. — У меня в запасе лишь два часа. Надо и матери хоть немного времени уделить.

— Давай. Она по тебе очень скучает.

Александр уже вошел в лес, когда Демьян внезапно окликнул его.

— Если что, ты меня не видел.

— Я понял.

— И спасибо тебе за все.

— Не стоит.

Александр скрылся из вида, а Демьян все стоял и смотрел ему вслед.

Где-то через час над рекой вновь пролетел вертолет. Демьян проводил его долгим взглядом, полным тоски и боли. По его небритой щеке медленно покатились крупные слезы.

13.

Мягкие лучи восходящего солнца осторожно ложились на купола храма. Их величественно-торжественный отблеск, притягивая к себе взор, наполнял душу осо-

бым, ни с чем не сравнимым теплом и умиротворением. Вокруг стояла глубокая тишина, свойственная лишь раннему утру. Даже птицы и те, будто понимая всю значимость мгновения, затаились на ветвях деревьев. Временами слышался лишь едва уловимый шелест листьев. Да и он словно напоминал о чем-то важном, чего никак нельзя пропустить.

Но вот едва заметно вздрогнули колокола, и в тот же миг по воздуху поплыл их слаженный многоголосый перелив. Звонили к заутрене.

Из окрестных дворов начали выходить люди. Многие из них, в том числе молодежь, устремились к храму.

«Пока в сердцах жива вера, у России есть будущее», — подумал Демьян. Он стоял в тени раскидистого орешника и, устремив взгляд на сверкающие купола, медленно осенял себя крестным знаменем. С его губ беззвучно слетали слова молитвы, а душа наполнялась неповторимой легкостью и благодатью.

Ему очень хотелось войти внутрь храма и хоть немного поприсутствовать на воскресном богослужении, послушать знакомое с детства пение церковного хора, поставить свечки за родных и близких, приложиться к иконам. Но Демьян не решился это сделать. Он боялся, что своим появлением посеет смуту среди прихожан, породит глупые и никому не нужные пересуды, отвлекающие от светлой и благодатной молитвы.

Из-за угла появились двое мужчин лет сорока—сорока пяти. Неряшливо одетые, с заметно уставшими лицами, они также спешили к храму. Один из них, увлеченно что-то рассказывая своему спутнику, энергично размахивал руками. Второй, молча слушая, изредка кивал. От этого движения его вихрастый чуб всякий раз спадал на глаза, и мужчине приходилось вновь зачесывать его то на левый, то на правый бок.

Заметив Демьяна, рассказчик оборвал себя на полуслове. Они оба окинули «чужака» изучающими взглядами и, не останавливаясь, прошли мимо.

— Думаешь, беглый каторжник? — спросил чубатый.

— Вряд ли, — на миг задумавшись, отозвался его приятель. — Говорят, Сашка, сын бабы Марфы, его хорошо знает. А если так, то и этот из какого-нибудь спецназа.

— Но зачем ему скрываться?

— Да мало ли. У них там свои терки, в которые простым смертным лучше не влезать... Оно спокойней будет.

Оба мужчины скрылись внутри храма. Проводив их взглядом, Демьян еще немного постоял, читая про себя молитву, затем трижды медленно перекрестился и нехотя побрел прочь.

14.

На протяжении нескольких часов Демьян бесцельно бродил по окрестностям. Он и сам не знал, что ищет. Просто не сиделось на месте. На душе тревога не ощущалась, а вот ногам покоя не было. Уходя далеко в поля, он брел, не разбирая дороги, по пояс в траве, затем вновь возвращался в поселок, шатаясь по пыльным улицам.

К полудню стало невыносимо жарко. Демьян давно уже снял мастерку, нося ее то на одном, то на другом плече; теперь же хотелось стянуть с себя не только легкую футболку-безрукавку, но и кожу заодно. Пот градом лил с мокрого лба. Во рту все пересохло, очень хотелось пить. Демьян посматривал по сторонам, надеясь увидеть колонку. Но его ожидания никак не оправдывались.

Где-то сзади хлопнула калитка. Демьян остановился и обернулся на звук. Возле одного из домов, озираясь по сторонам, стояла симпатичная белокурая девушка. Демьян направился в ее сторону. Девушка, заметив это, казалось, даже обрадовалась.

— Извините, вы мне не сможете достать котенка? — спросила она, сделав пару шагов навстречу.

— А где он?
— На дереве, — девушка трянула густыми волосами, прилипшими к потной шее. — Я бы сама, но не получается залезть. А Барон еще маленький совсем. Забраться — забрался, а назад никак. Бойтся. Поможете?
— Ну давай, — согласился Демьян. — Ты мне только водички дай, ладно?
— Это пожалуйста. Хоть целое ведро, — улыбнулась девушка.
— Боюсь, столько мне все же не выпить, — подмигнул ей Демьян.
— Ну, сколько сможете. Пойдемте. Меня Дашей, кстати, зовут.
— Демьян, очень приятно. И давай на «ты», ладно?
— Хорошо.
Он подождал у порога, пока Даша сходила в дом и принесла большую кружку прохладной воды. Осушив ее, Демьян довольно крикнул.
— Вот теперь можно Чип-и-Дейлом поработать, — сказал он.
Даша улыбнулась. При взгляде на ее смеющееся лицо сердце у Демьяна екнуло. Он нервно сглотнул.
— Пойдем? — забирая кружку, спросила ничего не заметившая девушка.
— Ну да, — кивнул Демьян. — Веди.
Они прошли в огород и остановились возле довольно высокого абрикоса. На самой верхушке дерева, затерявшись в густой листве, едва выглядывал рыжий котенок.
— Не слабо, — отыскав взглядом юного Барона, сказал Демьян.
Он снял с плеча мастерку и протянул ее Даше.
— Подержи, пожалуйста.
— А там нет пистолета? Он не выстрелит? — осторожно принимая одежду, испуганно поинтересовалась девушка.
— Да нет, не бойся, — рассмеялся Демьян. — Там пусто.
Еще раз окинув дерево внимательным взглядом, он подпрыгнул, ухватился обеими руками за толстую ветку и, напрягая мышцы, стремительно полез вверх. Добравшись до перепуганного котенка, Демьян посадил его на плечо и, не обращая внимания на мгновенно впившиеся в руку коготки, стал спускаться.
Спрыгнув на землю, Демьян осторожно снял с себя дрожащий рыжий комочек и протянул его счастливой девушке.
— Барончик, маленький мой, — нежно глядя прижавшегося к ней котенка, ласково заговорила Даша. — Перепугался, да? Эх ты, бандит такой!.. Спасибо большое, — обращаясь к Демьяну, добавила она. — Если бы не ты, пришлось бы этому чуду, наверное, до самого вечера там сидеть.
— Да не за что, — улыбнулся Демьян. — Пойдем, проводишь меня.
Они вышли за калитку. Простившись с девушкой, Демьян быстро зашагал по раскаленной дороге. Даша долго смотрела ему вслед. А Демьян шел и все думал: «Господи, как же она похожа на Варю!..»

15.

Окончательно вымотавшись, Демьян свернул в попавшуюся на пути закусочную. Немного темноватое помещение мгновенно окатило его приятной прохладой. Он взял бокал пенистого пива да небольшую порцию поджаренной ломтиками картошки и, оглядевшись по сторонам, присел за свободный столик.

Через пару минут к нему неожиданно подсел мужчина лет пятидесяти с аккуратно подстриженной бородкой и невероятно добрыми глазами. Его взгляд словно приковал к себе Демьяна. Они сидели и молча смотрели друг другу в лицо. Во взгляде неожиданного соседа отчетливо читались сочувствие, грусть и отеческая любовь. Было в нем

и еще что-то, чему Демьян никак не мог найти подходящее определение. Лицо мужчины казалось до боли знакомым. Демьян уже где-то видел его, причем совсем недавно. Но где? Вряд ли оно связано с городом... Слишком сильное спокойствие исходит от этих черт, и никакой тревоги... Душу объяло давно забытое умиротворение, разбавленное сладким предчувствием чего-то доброго, радостного.

— Что же отняло твой покой? — спросил вдруг незнакомец мягким и чуть хриловатым голосом.

— Жизнь, — уклончиво ответил Демьян. — Проблемы разные.

— Что, совсем неразрешимые?

— Не знаю...

Они вновь замолчали.

Демьян вздохнул.

— Рассказать одну любопытную легенду? — спросил он.

— А почему бы и нет? — все таким же мягким, убаюкивающим голосом откликнулся незнакомец.

— В общем, где-то на Урале жил один купец, — начал Демьян. — По отзывам окружавших его людей, очень хваткий, предприимчивый. Как говорится, с полного нуля создал целую империю: несколько заводов, фабрик, сеть магазинов, банк. Но при этом купец никогда не забывал и о благотворительности: четверть всех своих доходов он регулярно направлял на строительство школ, поддержку детдома, церкви и так далее. Простым людям, обращавшимся к нему за помощью, никогда не отказывал. Ощущал какую-то ответственность за нищих и обездоленных. Была у купца и любимая девушка, в которой он души не чаял. Возможность всячески ей помогать, исполнять почти любое ее желание доставляла ему особую радость. Лучше своей возлюбленной он и представить никого не мог. На весну у них была назначена свадьба, и уже полным ходом шли активные приготовления к ней. Но незадолго до столь важного события купец вдруг застал возлюбленную со своим лучшим другом и, как говорится, правой рукой. В один день потерял двух очень близких, дорогих людей. Столь сильный удар выбил его из колеи, чем не преминули воспользоваться различные недоброжелатели: начались торговые войны, захватнические рейды, суды, появились перебежчики. Около года купец всячески пытался защищаться, но силы его и возможности стремительно таяли. А потом по городу пошли разные слухи. Говорили даже, что купца убили кредиторы. Так или иначе, но его больше никто не видел, а обезглавленная империя неудержимо рассыпалась...

— Да, очень печальная история, — задумчиво произнес незнакомец, когда Демьян умолк. — Но это ведь только половина легенды. Есть и продолжение.

— Расскажите? — пристально взглянув на собеседника, спросил Демьян.

— Конечно. Купец ведь был верующим, крещеным человеком, да в суете мирской отдалился от Бога. Это и сделало его слабым. Но он знал, что уныние пагубно для души. Это болото, из которого надо вылезать, пока оно не засосало. А вот его заводы, которые он сгоряча бросил, оставив на растерзание врагам, приносили немалую пользу людям: и сама продукция, и тысячи рабочих мест, дающих средства к пропитанию множеству семей. Без купца многие жители города были обречены пойти по миру. Он осознал это и вернулся. Опять вступил в борьбу за свои предприятия и с Божьей помощью одержал победу. Да и в церковь вновь вернулся, благодаря чему сумел восстановить и душевный покой. Все наладилось в его жизни. Со временем и семья появилась. И много чего он достиг, единожды сумев перебороть уныние. Господь его не оставил, всячески направляя на путь истинный и помогая делать добрые дела.

— Я этого не знал.

Демьян отодвинул от себя нетронутые пиво с картошкой и встал из-за стола. Внимательно слушая незнакомца, он наконец-то узнал его. Это был местный житель, которого Демьян неоднократно видел в поселке. Только раньше тот никогда не носил мирскую одежду, что теперь и делало его менее узнаваемым.

— Спасибо вам, батюшка, — поблагодарил Демьян внезапно осипшим голосом и быстро направился к выходу.

Отец Сергей также поднялся. Он перекрестил удалявшегося Демьяна, прощая его все тем же добрым, любящим взглядом.

16.

Тихий августовский вечер постепенно остужал разогретую за день землю, настойчиво обдавая ее свежим северным ветром. Сразу в нескольких дворах самозабвенно заливались собаки. Сквозь их бестолковый лай едва слышно прорывалась гармонь. За углом то надсадно ревел, то резко замолкал двигатель стареньких «Жигулей». Вероятно, машину вновь ремонтировали. Поселок жил своей обычной жизнью.

По одной из центральных улиц не спеша брела группа парней и девушек. Разбившись на небольшие кучки, они о чем-то переговаривались, шутили, весело смеялись. Уставшая за день Даша шла молча. Глубоко вдыхая чуть прохладный воздух, девушка задумчиво накручивала на палец прядь пшеничных волос. Заметив в небе падающую звезду, Даша приостановилась.

— Ну, ты чего? Пойдем, — хватая ее за руку, сказала Катя.

Они ускорили шаг, догоняя остальных, и до слуха донесся обрывок чьей-то фразы:

— Да точно уехал. Я сам...

— Кто уехал? — спросила у подруги Даша.

— Так тип этот с речки, — оживленно откликнулась Катя. — Сжег свой шалаш, убрал все на берегу и уехал. Дядь Миша видел его машину на выезде из поселка. Часа два назад.

— Уехал... — растерянно повторила Даша. По ее щекам вдруг покатались слезы. Девушка часто заморгала и, отвернувшись, быстро вытерла глаза. — Такой непонятный и такой близкий, родной, — тихо прошептала она.